

Воспоминанія П. А. М-ой о московскомъ митрополитѣ Филаретѣ.

Поминайте наставники ваша.

Несмѣлю рукою набрасываю на скоро на бумагу то, что еще не утратилось въ памяти моей изъ разсказовъ и наставленій, слышанныхъ мною отъ самого приснопамятнаго Святителя нашего Московскаго Митрополита Филарета. Иное еще было записано при жизни его, — другое послѣ изъ разсказовъ другихъ, но достовѣрныхъ людей. Посвящаю это его святой памяти и вниоусъ предъ нею, если въ чемъ ошиблась.

П. М.

Къ этому еще можно присовокупить то, что самъ Владыка рассчитывалъ такъ свои силы, что при слабости его здоровья постоянно быть, до конца жизни своей, неутомимо дѣятельнъ. Напримѣръ, онъ говорилъ, когда многіе жаловались на холодъ, ощущаемый въ Успенскомъ Соборѣ, еще до устройства печей, что онъ никогда въ немъ не простужался, въ какой бы холодъ ни служилъ, потому что рассчитывалъ одежду и облачение свое по температурѣ тѣхъ церквей, гдѣ приходилось ему служить: гдѣ холодно — болѣе тяжелую, а гдѣ тепло, то болѣе легкую.

М 1. Однажды Филаретъ, Митрополитъ Московскій, разговаривая при мнѣ съ особой слабого здоровья, и которая находилась въ упадкѣ духа на счетъ своихъ физическихъ немощей, сказала ей: „Я нахожу, что человекъ слабого здоровья можетъ такъ же долго прожить, какъ и тотъ, который крѣпкаго телосложенія; вся разница въ томъ, что онъ долженъ быть къ себѣ внимательнѣе и всю жизнь, такъ сказать, нянчиться самъ съ собою, быть очень воздержнымъ и акуратнымъ въ жизни и не предпринимать вѣщей сверхъ силъ своихъ. Напримѣръ, если чувствуетъ себя не совсемъ здоровымъ и выходитъ, то навлечетъ себѣ болѣзни, съ которой придется просидѣть нѣсколько недѣль, тогда какъ, если во время себя побережешь и не выходишь, то нѣсколькими днями терпѣнія, воздержности въ пищѣ и осторожности предупредишь болѣзнь, которая, если разовьется, приметъ такіе размѣры, что пришлось бы недѣли, а можетъ быть и мѣсяцы, провести въ болѣзни и бездѣйствіи.“

Многое слыхала я замѣчательнаго изъ устъ нашего маститаго, мудраго Архипастыря, разсказовъ и толкованій, пропитанныхъ ясностію ума и теплотою вѣры въ Промыслъ Божій, и часто было мое желаніе напечатлѣть болѣе въ

памяти слова его, изложивъ ихъ на бумагѣ, но боязнь, неточно и хорошо передать его св. слово и тѣмъ самымъ утратить его ослѣнное значеніе, удерживала меня.

№ 2. Однажды, утѣшая одну скорбную пожилую даму, лишившуюся своего мужа, бывшаго уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, и не сомнѣвавшуюся въ томъ, что, какъ онъ былъ истинный христіанинъ, душа его, вѣроятно, успокоилась послѣ многотѣльной временной жизни сей, она однако признавалась Владыкѣ, что не можетъ никакъ не скорбѣть о разлукѣ съ нимъ, — Митрополитъ ей отвѣчалъ: „да вѣдь вы всетаки продолжаете жить вмѣстѣ подъ кровомъ того же Отца Небеснаго, и потому общеніе духа посредствомъ молитвы не прекращается; вся разница только въ томъ, что вы не видите его тѣлесными очами“.

№ 3. 26 Декабря 1885 г.

День рожденія Митрополита (ему исполнилось 84 года). Мы были у обѣдни на Троицкомъ подворьѣ; служилъ чередной іеромонахъ, и дѣли, какъ всегда, очень хорошо. Послѣ обѣдни мы попросились войти къ Святителю, хотя на краткое время. Онъ насъ принялъ, меня и Нат. Петр. Кирѣевскую, и между прочимъ рассказывалъ, что онъ былъ утѣшенъ извѣстіемъ о недавнемъ изцѣленіи въ Лаврѣ болящаго, прибывшаго туда изъ Перми, гдѣ вслѣдствіе жестокой горячки долгое время оставался въ такомъ изнеможеніи силъ, что болѣе лежалъ, и думали его окружающіе, что онъ никогда не поправится, или что у него образуется водяная по случаю совершеннаго истощенія силъ. Разъ онъ видитъ и въ сонномъ состояніи, и на яву старца, который говоритъ ему: „побѣждай въ Св. Троицкую Лавру, отслужи молебенъ Преп. Сергію и ты исправишься.“ Больной на это возразилъ, что это ему невозможно, потому что онъ не можетъ двинуться съ мѣста. Но однако эти слова повторялись ему до трехъ разъ; тогда больной уже не унывалъ болѣе, просилъ нанять себѣ повозку, въ которую его положили, и съ теплою вѣрою съ Промыслъ Вожій и представительство Угодника, Преподобнаго Сергія, отправился въ Лавру. Это было зимой; его привезли прямо въ Троицкій Соборъ, къ Мощамъ, гдѣ по просьбѣ его отслужили молебенъ, а, приложившись къ Св. Мощамъ, онъ себя почувствовалъ совершенно здоровымъ и оставался тамъ нѣсколько недѣль въ молитвѣ, не зная, какъ достаточно возблагодарить Бога и представителя нашего предъ Нимъ Преподобнаго Сергія.

Недавно въ Лаврѣ же, по словамъ Намѣстника, была очень замѣчательная кончина одного старца по имени Иларія, который всю жизнь провелъ въ тамошнемъ монастырѣ, такъ что Намѣстникъ Антоній, поступившій туда въ 1833 году съ Высокой Горы, уже нашелъ его въ Лаврѣ. Онъ былъ очень смиренный старецъ, всегда правилъ чреду свою и безмолвно исправлялъ возложенныя на него послушанія и, хотя и удрученъ былъ и болѣзною, и старостію, про-

должалъ все ту же труженническую жизнь свою. Лаврскій Намѣстникъ, не зная по какому то внутреннему побужденію, пришелъ навѣстить его и, находя его хотя и на ногахъ, но слабымъ и ходящимъ съ трудомъ по комнатѣ съ палочкою, предложилъ ему приобщиться. Это было въ пятницу, кажется на 5-ой недѣль великаго поста. Старецъ отвѣчалъ, что съ понедѣльника начнется чреда его служенія и что тогда онъ это исполнить. Намѣстникъ отвѣчалъ ему, что служеніе пойдетъ своимъ чередомъ, но что онъ всетаки совѣтуетъ ему приобщиться теперь, безотплатительно, на другой же день. Тогда старецъ спросилъ его, когда сіе ему исполнить и по какому поводу онъ ему совѣтуетъ ускореніемъ приобщенія за два дня до его чреды служенія, не замѣчаетъ ли онъ въ немъ особеннаго знаменія, по которому полагаетъ, что близокъ конецъ его жизни? Намѣстникъ отвѣчалъ, что при преклонности его лѣтъ ощущаемая имъ особенная слабость и немощь уже обнаруживаетъ болѣзненное положеніе, и что Таинство Приобщенія, возобновляя внутренняго человѣка, по большей части благотворительно дѣйствуетъ и на составъ его физическій; и, чтобы не беспокоитъ братію, онъ ему совѣтуетъ на другой день приобщиться послѣ ранней обѣдни, не ожидая чреды своей. Старецъ сіе исполнилъ въ субботу, т. е. на другой день. Намѣстникъ опять пришелъ навѣстить его и нашелъ его, дѣйствительно, бодрѣе и духомъ, и тѣломъ; старецъ ходилъ по комнатѣ уже безъ палочки; тогда онъ вторично ему посовѣтовалъ и на слѣдующій день прибѣгнуть къ сему спасительному средству, доказывая ему, какое почувствовать облегченіе даже и физическое отъ сего душеполезнаго средства. Старецъ повиновался безпрекословно и даже пожелалъ оспориться. Потомъ въ 2 часа пополудни онъ просилъ своего келейнаго подать ему епитрахиль и всю сполна одежду монашескую, послалъ за казначеемъ, не смѣя беспокоить въ эти часы самого Намѣстника, потому что это часы его отдыха; казначей отвѣчалъ, что до вечера ему недосугъ, но что онъ придетъ послѣ. Старецъ на это скавалъ: „я свой долгъ теперь вполне исполнилъ“, оборотился на всѣ стороны съ поклонами и потомъ попросилъ, чтобы положили подушку на полъ въ видѣ игольницы, легъ на полъ, оложивъ крестообразно руки, и предалъ духъ свой Богу безболѣзненно, непостыдно, мирно. Молодой его послушникъ за нѣсколько минутъ до того, видя, что онъ у него проситъ болѣе приличную и почище одежду, наивно спрашивалъ его, куда онъ собирается, не въ скитъ ли? Старецъ отвѣчалъ: „скоро увидишь;“ а на второй повторенный вопросъ отвѣчалъ: „куда угодно будетъ отвѣсти.“ Кончина человѣка, какъ окончательный плодъ всей его жизни, доказываетъ ясно, каково было все земное его поприще!“

№ 4. 28-го Октября 1866 года.

25-го мы имѣли счастье принять благословеніе Митрополита и въ сей разъ, какъ и всегда, изъ интересной и достопримѣчательной бесѣды его извлекли

весьма замѣчательное преданіе, которое запишу, какъ фактъ, достойный сохраниться въ памяти для будущихъ временъ. Разговоръ коснулся книги, вышедшей только что въ свѣтъ, изданной Михаиломъ Александровичемъ Дмитріевымъ передъ своею кончиною (скончавшимся 5-го Сентября сего 1866 г.). Книга эта — записки дяди его Ивана Ивановича Дмитріева, который, между прочимъ, рассказываетъ объ увольнении или ссылки Сперанскаго, бывшаго нѣсколько лѣтъ любимцемъ Императора Александра 1-го, обличеннаго полнымъ его довѣріемъ. По случаю его даровитости и неутомимой дѣятельности, ему было поручено преобразование всѣхъ Государственныхъ вышшихъ мѣстъ въ Имперіи, изъ которыхъ онъ составилъ нѣсколько Министерствъ и въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку Департаментовъ. Быстро потомъ былъ онъ низверженъ съ высоты своего могущества; никто до сихъ поръ и не знаетъ настоящей тому причины; иные полагаютъ его невинной жертвой разныхъ партій, противныхъ новымъ преобразованиямъ, другіе осмѣливались называть его измѣнникомъ, потому что ссылка его совпадала съ приближеніемъ роковаго 1812 года. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ рассказываетъ, что въ то время, когда онъ казался обличеннымъ полнымъ довѣріемъ Монарха, къ нему приставленъ былъ шпіонъ, зорко слѣдившій за всѣми его дѣяніями и нашедшій у него какія то бумаги. Я, передавая этотъ рассказъ Владыкѣ, позволила себѣ слѣдять замѣчаніе, что я не могу себѣ истолковать въ покойномъ Императорѣ это сочетание довѣрія съ недоовѣріемъ. Митрополитъ разрѣшилъ этотъ вопросъ такъ: что эта довѣренность Государя относилась къ его чрезвычайнымъ способностямъ Государственнымъ и къ дѣятельности, но, можетъ быть, не къ его совѣсти. „Вотъ чему я самъ былъ свидѣтелемъ и нѣкоторымъ образомъ участникомъ въ бытность мою въ Петербургѣ,“ прибавилъ Митрополитъ; „не знаю, узнаешь ли когда либо о томъ исторія, но я передамъ вамъ это въ дополненіе сказаннаго вами. Я жилъ тогда подъ кельями Инспектора Семинаріи отца Сергія. Въ то время вызванъ былъ изъ чужихъ краевъ профессоръ Феслеръ, также по совѣту Сперанскаго, для преподаванія ученикамъ духовной Академіи еврейскаго языка и изученія древностей. Это было около 1810-го года. Въ то время преподаватель философіи оказался недостаточнымъ, эта часть преподаванія также перешла къ Феслеру. Лекціи свои по сему предмету читалъ онъ по латыни. Однажды Преосвящ. Сеофилактъ пожелалось поближе узнать составъ этихъ лекцій, и онъ поручилъ перевести ихъ на русскій языкъ, какъ можно ближе къ подлиннику. Не желая передавать этотъ трудъ постороннему лицу, инспекторъ поручилъ мнѣ, тогда молодому человеку, переводъ этой тетради, какъ болѣе другимъ знающему латинскій языкъ. Онъ въ этихъ лекціяхъ, говоря о Спасителѣ, называетъ его высшимъ философомъ своего времени, но нигдѣ не называетъ Его сыномъ Божиимъ. Преосвященный Сеофилактъ, прочитавъ эту рукопись, довелъ ее до свѣдѣнія князя Александра

Николаевича Голицына, и Феслеръ былъ удаленъ отъ преподаванія философіи въ Академіи, и она воротилась къ прежнему преподавателю. Позднѣе, когда, при обыскѣ Сперанскаго, захвачены были бумаги его, нашлась въ нихъ вторая тетрадь того же почерка, т. е. вышеупомянутаго Феслера, которую нѣмъ же пришлось переводить. Въ ней говорилось, какъ бы Восточную Церковь со временемъ подвести подъ власть Западной церкви и соединить ихъ воедино. Постъ этого черезъ нѣсколько времени Феслера оловомъ удалили. Онъ долго жилъ гдѣ то въ деревнѣ въ семействѣ, потомъ женился, и говорили, что онъ совомъ отсталъ отъ своихъ мыслей; но на старости лѣтъ, воротясь на свою родину, былъ пасторомъ и какъ то въ разговорѣ высказался такъ, что онъ все остался при прежнихъ своихъ убѣжденіяхъ и что онъ уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобы перемѣнять свои мнѣнія.“

№ 5. Однажды на экзаменѣ выпало на долю одного студента объяснить систему Спинозы, основанную на пантеизмѣ. Онъ такъ удачно отвѣчалъ на заданный ему вопросъ, что Митрополитъ побоялся за него, какъ бы онъ оамъ не увлекся этимъ ученіемъ, и, въ огражденіе молодого человѣка, сказали въ полголоса, какъ бы подводя итогъ всей системѣ, имъ изложенной! „слились осилить силу Всевышняго.“ Какое глубокое и сильное опредѣленіе, выраженное однимъ словомъ въ четырехъ разныхъ видахъ! какое знаніе языка и съ этимъ какое любвеобильное участіе въ молодомъ человѣкѣ, который вполнѣ былъ симъ проникнутъ. Позднѣе онъ самъ это рассказывалъ своему товарищу, который мнѣ это передалъ.

№ 6. 7-е Декабря. Сегодня по святцамъ видно, что чествуется память Угодника Божія Нила Столбенскаго. Моши его почиваютъ на островѣ на озерѣ Селигерѣ (Тверской губ. Осташковскаго уѣзда). При этомъ воспоминаніи разскажъ Владика нашего, бывшаго въ началѣ своего Архіерейства Тверскимъ Архипастыремъ. Говорилось о томъ, что въ святые и торжественные праздники по большей части погода бываетъ ясная и соотвѣтствовать торжеству церковному. Святитель на мое замѣчаніе сказалъ: „я также это всегда замѣчалъ. Когда я былъ во главѣ Тверской Епархіи и объѣзжалъ лѣтомъ монастыри, то былъ и въ обители Нила Столбенскаго. 27 Мая празднуется обрѣтеніе Мошей, и ежегодно озеро Селигеръ покрывается лодками по случаю крестнаго хода изъ Осташкова въ Нилу пустынь. При пошщеніи моемъ сей пустыни и при возвращеніи изъ оной, поднялся большой вѣтеръ, и утлую ладью качало съ боку на бокъ, такъ что гребцы съ трудомъ правили веслами. Я имъ замѣтилъ, какъ должно быть трудно, ели такая непогода застигнетъ крестный ходъ во время празднованія Угоднику 27 Мая, но они мнѣ отвѣчали, что никто не помнить, чтобы когда либо это случилось въ этотъ день.“

№ 7. Еще сегодня празднуется Амвросій Медіоланскій. При семъ имени

также многое имѣю разсказать слышаннаго отъ Владыки нашего, бывшаго инокіемъ при Петербургскомъ Митрополитѣ Амаросіи. Всѣ Святители, при которыхъ находился Митрополитъ Филаретъ, особенно его любилъ и за его свѣтлый умъ, и за его подвижническую жизнь съ раннихъ лѣтъ, начиная съ Митрополита Платова, который любилъ его въ раннихъ лѣтахъ его возраста. Когда юный бакалавръ Филаретъ произнесъ свое первое слово въ Лаврѣ, Платонъ о немъ написалъ къ Пресв. Августину: „я говорить по человѣчески, а онъ говорить по ангельски.“ Потомъ, когда его потребовали въ Петербургъ, Платонъ весьма огорчился и даже писалъ, нельзя ли его ему оставить, какъ опору его старости, но и въ то время не нашли кѣмъ можно было бы его замѣнить, какъ преподавателя еврейскаго и греческаго языковъ.

Вотъ между прочимъ, что онъ намъ разсказывалъ о себѣ: что въ двѣнадцатомъ году, по случаю приближающейся войны, Пресвященныи Амаросіи приказалъ его позвать къ себѣ уже въ послѣднее время, когда вообще прекращались занятія по Академіи. Это былъ часъ пріемовъ посѣтителей у Митрополита Амаросія, а для молодыхъ ученыхъ раздыхъ отъ занятій. Этого зова въ неурочное время удивилъ его; онъ пришелъ къ Митрополиту и Митрополитъ сказалъ: „напиши слово, какъ бы воззваніе къ народу, для расположенія его къ защитѣ отечества, помощи ему кто чѣмъ можетъ;“ и когда Архимандритъ Филаретъ спросилъ, къ какому дню, Митрополитъ отвѣчалъ: „къ завтрашней литургіи.“ Этого краткій срокъ смутилъ нѣсколько Архимандрита Филарета, однако онъ пошелъ и безпрекословно повиновался, и написалъ наскоро, какъ могъ. На другой день самъ произнесъ свое слово въ Невской Лаврѣ и потомъ услышалъ отъ многихъ лестные отзывы, такъ что эти нѣсколько словъ, написанные экспромптомъ, дошли до самого Императора, потому что въ числѣ слушающихъ былъ Сперанскій и Александръ Николаевичъ Голицынъ.

М 8. Въ 1815-мъ году Императоръ Александръ I препроводилъ отъ себя богатые воадухи въ Невскую Лавру къ Митрополиту Амаросію, причемъ нуженъ былъ рескриптъ. Князь Голицынъ возложилъ на Архимандрита Филарета написать его; а при полученіи оного, Митрополитъ Амаросіи ему же поручилъ написать благодарность Императору за получение сего дара; такъ что онъ писалъ и рескриптъ и онъ же отвѣчалъ на него.

М 9. Пресвященныи Смарагдъ Орловскій, въ началѣ своего служебнаго поприща бывшій законоучителемъ теперешняго Императора, былъ, какъ говорить, человѣкъ правдивый, но очень горячаго нрава, въ чемъ и самъ сознавался съ близкими ему, но никакъ иногда не могъ себя остановить въ порывахъ своей горячности. Онъ, говоря однажды съ одной Орловской помѣщицей о нашемъ Митрополитѣ Филаретѣ, сказалъ, что онъ ему весьма обязанъ тѣмъ, что онъ, сколько могъ, останавливалъ его и совѣтовалъ ему быть мягче и тер-

пѣливе. Однажды Пресвящ. Смарагдъ, рассказывая ему что-то, сказалъ: „не могу не выходить изъ себя, когда вижу, что люди безъ опытности безъ оглядки несутся какимъ-то вихремъ впередъ, не зная что ихъ ожидаетъ, и ломаютъ и коверкаютъ все на пути своемъ.“ Митрополитъ ему на это отвѣчалъ: „а я бы вамъ совѣтовалъ въ это время стать поодаль, къ сторонкѣ; если они такъ скоро мчатся, какъ вы говорите, то вѣроятно, пробѣжавъ безъ оглядки большое пространство, они ударятся сами лбомъ объ стѣну и тогда на возвратномъ пути къ вамъ же подойдутъ за совѣтомъ, и такимъ только образомъ вы можете быть имъ полезны. Въ противномъ же случаѣ, если вы будете становиться на ихъ дорожѣ, они и васъ задавятъ и уронятъ, а себѣ пользы не принесутъ.“

№ 10. Однажды мнѣ случилось прочитать толкованіе св. Іаковлева на Откровеніе (Апокалипсисъ) Св. Іоанна Богослова, и многое неясное очень мнѣ показалось непонятнымъ. Пріѣхавъ ко Владыкѣ, я завела рѣчь о читанномъ мною. Владыка многое пояснялъ еще мнѣ самъ, и изъ всѣхъ бесѣдъ его эта мнѣ показалась самою интересною. Потомъ перешла рѣчь къ видѣніямъ и пророчествамъ. О видѣніяхъ Владыка говорилъ почти такъ осязательно, что изъ сего заключить можно бы, что, вѣроятно, онъ самъ сподоблялся оныхъ. — и растолковать мнѣ, почему иные къ этому прилагаютъ вѣру, а другіе нѣтъ. Потому именно, что по мѣрѣ приближенія событія къ намъ, оно болѣе выясняется, особливо, если мы стараемся быть внимательными ко всему, что до насъ касается, и привыкаемъ постепенно къ тому, что насъ ожидаетъ, и о чемъ Господь Богъ по милосердію Своему возвѣщаетъ намъ заранее. Если же бы это возвѣщеніе слишкомъ было ясно для насъ, оно бы насъ слишкомъ поразило. Примѣненіе къ грядущему событію, которое намъ смутно видится внутреннимъ окомъ, для поясненія мнѣ было взято изъ міра видимаго, что предметъ вдали намъ кажется и малъ и едва виденъ, человѣкъ ли это къ намъ идущій, или что другое, а по мѣрѣ того, какъ онъ къ намъ приближается, онъ становится больше, яснѣе, наконецъ мы видимъ ясно черты лица и узнаемъ въ немъ даже знакомаго или незнакомаго человѣка; и, будучи внимательны къ тому, что намъ возвѣстилось, обращаемъ въ нашу пользу. Самому Владыкѣ въ послѣдствіи было сказано его родителемъ, чтобы онъ хранилъ въ памяти 19-е число, и онъ всѣхъ мѣсяцъ стать въ это число служить и приобщаться и такимъ образомъ сподобился сей благодати нъ самый день своей кончины.

№ 11. Разъ, долго бесѣдуя о пророчествахъ и видѣніяхъ, Владыка такъ одушевленно разъяснялъ и то и другое, что чувству внутреннему почти какъ осязательно становилось, что онъ сподоблялся самъ благодатныхъ видѣній, хотя и говорилъ все время инуюсказательно. Напримѣръ, о пророчествахъ онъ говорилъ, что пророчество въ началѣ менѣе понятно, но становится яснѣе по времени, когда событіе, должетствующее случиться, болѣе приблизится къ намъ;

что орокъ онаго опредѣлится для смертныхъ потому не можетъ, или иначе сказать, потому намъ непонятенъ, что въ вѣчности тысяча лѣтъ, яко день одинъ, и мѣрило времени опредѣлено для земли, а не для неба. Потомъ еще сказать, что изъ Священнаго Писанія видно, что нѣкоторые наказанія, опредѣленные самимъ Богомъ и предвозвѣщенные Его Именемъ людямъ чрезъ пророковъ, отмѣнялись, если народы приходили въ покаяніе и усердно обращались къ Богу; и потому не должно приписывать людямъ неточность пророчества и по этому ихъ судить, потому что они въ этихъ случаяхъ слѣпыя орудія воли Божіей и сами иногда не знаютъ, почему они такъ должны дѣйствовать и говорить въ назначенное время.

№ 12. О видѣніяхъ сказать Владыка, что ихъ сподобляются люди праведные, живущіе по заповѣдямъ Божіимъ, дѣйствующіе съ чистою совѣстію, и это ихъ очищенное внутреннее состояніе, приближая ихъ къ Богу, даетъ имъ возможность уразумѣвать и усматривать пути Божіи, которые прочимъ, менѣе внимательнымъ къ путямъ Промысла Божія, остаются невидимы; и что это легко можно пояснить въ мірѣ видимомъ, въ глазу: у кого зрѣніе ясное и хорошее, онъ многое видитъ, чего другой не только разглядѣть не можетъ, но даже и совсѣмъ не видитъ, пока или онъ самъ приблизится къ предмету, или предметъ къ нему. Такъ и во внутренней жизни поясняется грядущее, инымъ понятнѣе, а другимъ остается вовсе невидимымъ. Степени же видѣній также разныя: иной видитъ нѣсколько, но не все, остальное поясняется ему впоследствии, когда время для него настанетъ все уразумѣть вполне по особенному Промыслу Божію. Но внимательнымъ необходимо быть каждому и не приписывать случайности того, что дѣлается по повелѣнію Божію.

№ 13. О скорбяхъ Владыка говаривать, что, такъ какъ онѣ намъ посланы отъ Бога промыслительно, мы не имѣемъ права отклонять ихъ. Каждая вещь имѣетъ свою цѣль или для испытанія нашей вѣры и покорности волѣ Божіей, или для смиренія нашего. Приводилъ въ примѣръ, что въ семействѣ В. кончину двухъ сыновей, умершихъ на войнѣ, скрывали болѣе двухъ лѣтъ отъ слѣдлаго отца, читая каждую недѣлю вымышленными письмами, какъ бы отъ нихъ полученными; что этого не должно было дѣлать, потому что не безъ причины это испытаніе было свыше послано,—и лишмо главу семейства лишнаго вѣнца или награды по тому чувству преданности или покорности, которое онъ, можетъ быть, изъяснилъ бы по оному случаю волѣ Провидѣнія.

№ 14. Весьма часто слышимъ о исцѣленіяхъ, посланныхъ отъ Господа Бога чрезъ возлюбленнаго Святителя нашего Митрополита Филарета. На дняхъ вотъ что разсказывала намъ наша добрая Тат. Семен. Одинъ заслуженный протопопъ, почтенный старецъ, пристроивъ уже нѣсколько лѣтъ тому двухъ дочерей своихъ, выдавъ ихъ замужъ за священниковъ, очень огорчился тѣмъ, что одинъ

изъ зятѣвъ его отчаянно заболѣлъ такъ, что многіе врачи, призванные подать ему помощь, тщетно усиливались помочь ему и наконецъ объявили, что всѣ усилія ихъ тщетны. Старецъ, предвидя, что скоро дочь его овдовѣетъ, и не зная что дѣлать, поѣхалъ въ Лавру ко Владыкѣ, рассказать ему о угрожающемъ ему горѣ, слезно просилъ его помолитъ больному, который уже былъ недвижимъ и нѣсколько ночей провелъ безъ сна въ мученіяхъ. Владыка сказалъ ему: „стань со мною на молитву и помолимся вмѣстѣ о твоёмъ больномъ.“ Потомъ подошелъ къ образной сновей, у которой стояла сухая просфора, и далъ ее вышеупомянутому протоіерею и сказалъ ему: „растолки ее въ видѣ порошка и давай оный больному въ маломъ количествѣ, размѣшивая его въ водѣ.“ Съ перваго приѣма больной успокоился, заснулъ и съ тѣхъ поръ понемногу сталъ оправляться и наконецъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

№ 15. Многія достовѣрныя свѣдѣнія слышала еще я о случившемся на нѣсколько дней до кончины Владыки. Въ пятницу или въ субботу, когда прислуга разошлась пообѣдать, и даже дежурный вышелъ куда-то, Владыка сидѣлъ у себя во внутреннихъ комнатахъ и чѣмъ то былъ занятъ. Въ это самое время пробрался къ нему какой то слабоумный молодой человекъ, никѣмъ не замѣченный, вплоть до его комнаты и, остановясь у самой двери, заплѣлъ громкимъ голосомъ: „святителю, отче Филарете, моли Бога о насъ.“ Владыка, встревоженный этой неожиданностію, сталъ звонить, чтобы призвать свою прислугу, но никто не являлся, а сей невѣдомый пришлецъ продолжалъ пѣть очень громкимъ голосомъ. Наконецъ пришелъ кто то изъ келейныхъ на зовъ Митрополита и вывелъ юродиваго, но никакъ не могъ заставить его умолкнуть; выведенный имъ до наружной двери и удивляясь, онъ все продолжалъ пѣть тѣ же слова. Владыка сказалъ дежурному келейному: „что это такое, что вы совершенно меня одного оставляете.“ Прислуга едала этого человѣка полиціи. Вѣроятно, дошло это до оберъ-полицмейстера, который на другой день пріѣхалъ сказать Владыкѣ, что полиція задержала сего возмутителя его спокойствія, и спрашивалъ, какъ съ нимъ поступить. Владыка тогда сказалъ, что не худо было бы показать его врачу; тогда оберъ-полицмейстеръ отвѣчалъ, что это уже было сдѣлано, но что врачъ нашелъ, что онъ, кажется, полубумный; тогда Владыка сказалъ: „то въ такомъ случаѣ освободите его, потому что оказывается, что онъ невиновенъ.“

№ 16. Еще при отпѣваніи мы встрѣтили одну купчиху, которую съ мужемъ не разъ встрѣчали у Владыки. Они оба очень были ему преданы и послѣ десяти лѣтъ оупружества были утѣшены рожденіемъ двухъ сыновей по молитвамъ и благословенію Владыки. Пріѣхавъ разъ ко Владыкѣ, мы застали эту почтенную чету и двухъ малютокъ у ногъ Владыки, который сказалъ намъ, улыбаясь и указывая на младенцевъ: „вотъ какихъ гостей на сей разъ вы застаете у меня.“

Въ другой разъ нынѣшнею весною мы опять встрѣтили сего сѣдовавшаго старца (Прохорова), который уходя съ умиленіемъ просилъ Владыку, что, когда поѣдетъ по Троицкой дорогѣ, по пути вспомнить ихъ дачу и хотя издали благословилъ ихъ жилище, находящееся недалеко отъ Пушкина, въ сторону.

Когда медикъ совѣтовалъ Владыкѣ, тому годъ, употреблять молоко, то Прохоровъ попросилъ у Владыки позволенія доставлять молоко отъ себя и стать доставлять по кувшину ежедневно. Но Владыка употреблялъ всего такъ понемногу, что приказалъ ему сказать, что этой пропорціи ему на нѣсколько дней достаточно, такъ чтобы ему такъ часто не присылали. Теперь они отправили этихъ двухъ коровъ въ Лавру.

Въ день кончины Владыки жена Прохорова видѣла во снѣ, что будто бы Владыка входитъ въ Чудовъ монастырь и, подошедъ къ Царскимъ вратамъ, пребывать нѣсколько времени въ молитвѣ, потомъ отворились Царскіи врата, и изъ нихъ вышелъ Святитель Алексій, (котораго мощи починаютъ въ Чудовѣ), и сказалъ Митрополиту: „довольно потрудились ты, Св. Филаретъ, отъ мыслей я тебя къ себѣ беру,“ и съ этимъ словомъ, ваявъ нашего приснопамятнаго Митрополита за руку, повелѣ въ алтарь; и Царскія двери затворились. Проснувшись Прохорова рассказала оной сонъ мужу и просила его немедленно провѣдать о здоровьи Владыки. Тотъ поѣхалъ на Троицкое подворье и, прибывъ туда, узналъ о успѣхѣ Владыки, и уже облачали усопшаго.

№ 17. За годъ предъ этимъ, когда намъ случилось быть у Владыки и, осведомляясь о его здоровьи, мы изъявляли задушевное желаніе, чтобы оно улучшилось, Владыка отвѣчалъ: „о, я ежедневно молюсь: пошли мнѣ, Господи, много, лучшаго.“ Сестра, очень по природѣ застѣнчивая, не могла однако умолчать и сказала въ слухъ: „нѣтъ, ужъ этого, Владыко, быть не можетъ.“

№ 18. Случалось также говорить со Владыкою о живописи, которой постоянно мы занимаемся. Онъ для изображенія иконъ держался строго православія, говорилъ, что много допускалось у насъ и еще и по нынѣ допускается въ храмахъ западныхъ изображеній, неоснованныхъ на преданіяхъ, но болѣе писанныхъ по вымыслу или воображенію итальянскихъ живописцевъ, чего не слѣдуетъ дѣлать. Напримѣръ, когда Динѣвскаго монастыря послушницы описывали во дворцѣ, подъ покровительствомъ Имп. Кн. Маріи Николаевны, тѣ картины духовнаго содержанія, оригиналы которыхъ теперь помѣщены на столбахъ Исаіевоваго собора, копии проносили чрезъ Москву въ Динѣво и показывали Владыкѣ, онъ послѣ того въ одно изъ нашихъ свиданій на вопросъ мой, какъ они ему понравились, подробно разбиралъ сюжеты нѣкоторыхъ изъ нихъ. Напримѣръ, Рождество Іоанна Крестителя представлено слѣдующимъ образомъ: Прав. Епископа лежати еще на одрѣ болѣзни, а Захарій стоитъ подлѣ нея въ первосвященнической одеждѣ, въ которой, по Ветхому Завѣту, первосвященники

только входили во Святаѣ Святыхъ. „Это, сказалъ Владыка, несомнѣнно съ Вѣтхимъ Завѣтомъ, по которому и теперь, по правиламъ церковнымъ, мы облачаемся въ церкви, и каждая принадлежность одежды возлагается на насъ съ молитвою и, по окончаніи литургіи, съ пѣніемъ снимается также въ церкви; что онъ въ церкви, въ дому своемъ имѣть ея не можетъ, тѣмъ болѣе при одрѣ жены родильницы, которой даже положенъ шестинедѣльный срокъ, до котораго и она не имѣетъ права входить въ храмъ Божій; по истеченіи же сего срока дается очистительная молитва до литургіи. Сама Божія Матерь соблюдала шестинедѣльный срокъ, по истеченіи котораго принесла во храмъ Божій Спасителя Младенца со Своимъ смиреннымъ приношеніемъ двухъ голубицъ.“

О воскресеніи Христа Спасителя говаривалъ, что никто не видалъ воскресшаго Спасителя такъ, какъ Онъ обыкновенно изображается, и находить, что и это нѣчто изъ Западной церкви, примѣшивающей по большей части свои идеи, тогда какъ должно писать только то, что говорится въ Евангеліи касательно Спасителя; а Святыхъ изображать по оставшимся преданіямъ записаннымъ или наустнымъ, до насъ дошедшимъ.

Въ картинѣ Леонардо-да-Винчи „Таинная вечеря“, также вообще допущенной въ нашихъ церквахъ, говаривалъ, что тѣлодвиженія нѣкоторыхъ изъ Апостоловъ несовѣтны съ смиренными рыбаками въ присутствіи Христа Спасителя, и что смѣлость ихъ позъ и тѣлодвиженій несовѣтна съ характеромъ, имъ приписываемымъ въ св. Писаніи. Въ картинѣ Иванова „Богоявленіе“ фигура Спасителя ему не нравилась вообще. Объ Ангелахъ говорилъ также, что на небѣ сильныхъ, порывистыхъ вѣтровъ быть не можетъ, потому и Небожители не должно представлять съ слишкомъ развѣвающимися одѣяніями.

№ 19. Однажды Владыка возвратился на Троицкое подворье въсколькими часами ранѣе, нежели его ожидали. Одинъ изъ прислуги его встрѣтилъ въ нетрезвомъ положеніи, и поклонившись ему въ ноги, не могъ уже встать опять на ноги и оставался какъ бы на четверенькахъ. Владыка прошелъ мимо скорымъ шагомъ въ свои внутренніе покои, не сказавъ ни слова. Онъ такъ скоро и легко хаживалъ, бывши уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, что это очень удивляло въ особенности тѣхъ, которые, не зная его лично, думали найти въ немъ едва движущагося старца и потомъ говаривали намъ: „Владыка нашъ летаетъ, какъ птица, едва касаясь земли.“ На другой день своего пріѣзда онъ приказалъ позвать къ себѣ упомянутого нетрезваго слугу, который былъ портяной, и спрашиваетъ его: „какое твое мастерство?“ Тотъ отвѣчаетъ, что въ свободныя часы шьетъ платье. Владыка при этомъ вопрошаетъ его: „какъ должно шить, чтобы работа удавалась?“ Слуга отвѣчаетъ: „должно шить по мѣркѣ.“ Владыка на это ему отвѣчаетъ: „то я тебѣ совѣтую, когда ты употребляешь горячительные напитки, придерживаясь этому же правилу — пей по мѣркѣ.“

Тутъ нужно замѣтить, кромѣ мудраго слова, еще доброту увѣщанія съ глазу на глазъ, но не публично, и тогда, когда уже самъ виновный отрезавшись могъ почувствовать вину свою.

№ 20. Въ другой разъ, возвратясь въ Лавру на лѣто, онъ замѣчаетъ, что у него въ хорѣ нѣтъ одного голоса, который какъ то никакъ не могъ подладиться подъ общій тонъ пѣнія, и, желая анать, гдѣ онъ и куда онъ выбылъ, спрашиваетъ у Намѣстника: „кажется, у меня въ хорѣ убавился одинъ голосъ?“ На вопросъ Намѣстника — какой? Владыка отвѣчаетъ: „того, который всегда шелъ своею дорогою.“ Въ этомъ примѣрѣ видны, какъ онъ избѣгалъ осужденія и какъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ заботливъ о всемъ, а также и терпѣливъ, потому что давно замѣчалъ несозвучіе въ пѣніи и однако не показывалъ и виду, что замѣчаетъ, чтобы не огорчить отсылкою пѣвца, которому, вѣроятно, это было бы прискорбно.

№ 21. Въ концѣ 1865 года сюда прѣѣхалъ Джунковскій, прежде бывшій православный, потомъ католикъ и наконецъ опять перешедшій въ православіе. По его словамъ, причины, побудившія его опять перейти въ православіе, (что тогда же было имъ напечатано въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ и между прочимъ въ Душопольномъ чтеніи), были тѣ, что, принятый въ іезуитскій орденъ и посвященный въ ихъ тайны и средства, онъ убѣдился въ неистинности ихъ словъ и дѣятеій и что послѣ того не захотѣлъ уже болѣе принадлежать къ ихъ корпораціи. О немъ еще были таковыя слухи, что онъ, познакомившись съ англичанкою, захотѣлъ на ней жениться и зная, что аббатамъ католической бракъ воспрещается, онъ потому и перешелъ вновь въ православіе и женился. Наше все Московское общество, которое такъ легко воспламеняется и часто, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, съ восторгомъ ездѣ стало говорить объ этомъ повопрѣѣжемъ Джунковскомъ, и нѣсколько времени другого почти разговора не было въ салонахъ, какъ о немъ. Когда мнѣ пришлось все это выслушать, прочитавъ не задолго до того нѣсколько книгъ объ іезуитскомъ орденѣ и зная, что во главѣ ихъ законовъ есть тогъ „Que tout moyen est bon pour parvenir aux fins“ (что всѣ средства хороши для достиженія цѣли), я очень усумнилась въ добросовѣстности этой загадочной личности и добросердечно высказала свое мнѣніе одной изъ нашихъ родственницъ, которая очень мнѣ попеняла за мою недоувѣрчивость къ искренности сознанія сего новообращеннаго, говоря, что многие и почти всѣ, въ томъ числѣ очень почтенные люди, совѣтъ другого мнѣнія, нежели я, и всѣ, напротивъ, видятъ въ новообращенномъ чистоту его намѣреній именно въ томъ, что онъ всенародно высказываетъ ихъ и даже печатаетъ о своихъ заблужденіяхъ; что эта откровенность не всѣмъ возможна, и проч. Я не хотѣла пускаться въ пренія, но осталась при своихъ мнѣніяхъ. Въ другой разъ, прѣѣхавъ опять къ той же родственницѣ, узнаю отъ нея, что

онъ просится ко Владыкѣ, и что Митрополитъ уже ему назначилъ день свиданія съ нимъ. Особа, передающая мнѣ это, прибавила, что, вѣроятно, никто не узнаетъ сущность его разговора съ нимъ; наконецъ она меня просила, чтобы, когда мы будемъ у Владыки, я бы спросила у него его мнѣніе о Джунковскомъ. Хотя я и не любила вообще передавать бесѣды наши со Владыкою, который столь былъ къ намъ милостивъ, что во многихъ случаяхъ оказывалъ намъ свое довѣріе; но на сей разъ я уступила просьбѣ ея и обѣщалась передать мнѣніе Владыки по сему случаю. При первомъ нашемъ посѣщеніи Митрополита Филарета я въ теченіе разговора спросила, былъ ли у него Джунковскій и какое одѣлалъ на него впечатлѣніе. Онъ намъ отвѣчалъ, что дѣйствительно онъ у него былъ, и вотъ какія присоединилъ къ этому замѣчанія: „онъ мнѣ побазался самонадѣянъ и не въ томъ расположеніи духа, въ которомъ я ожидалъ найти его,“ и продолжалъ: „человѣкъ, когда онъ впадаетъ въ ошибку и потомъ, убѣдившись въ ней, приходитъ въ сознаніе, долженъ быть въ духѣ покаянія и смиренія; ни того, ни другого не замѣтилъ я въ немъ ни въ его словахъ, ни въ дѣйствіяхъ. По первымъ, напечатанное свое объясненіе онъ назвалъ „Окружнымъ посланіемъ“, не имѣя на то права. Окружныя посланія могутъ писать только патріархи, когда обращаются къ своей цестѣ, чтобы скорѣе ихъ обнародовать одновременно всѣмъ, кому необходимо ихъ узнать; наконецъ, положимъ, что и мѣстный епископъ могъ бы прибѣгнуть къ той же мѣрѣ для скорѣйшаго обнародованія и приведенія въ дѣйствіе того, что онъ находитъ необходимымъ для своей епархіи, по данному ему на то праву; но онъ ни то, ни другое. Во вторыхъ, онъ въ разговорѣ со мною совсѣмъ почти не говорилъ о состояніи души своей, а совѣтовался, какое избрать ему поприще для своей дѣятельности, говоря, что онъ чувствуетъ призваніе къ миссіонерству, а также какой избрать ему край для начала оного; тогда какъ вѣрный омиъ Церкви, особенно послѣ прежнихъ его дѣйствій, при истинномъ осознаніи своей немощи, долженъ смиренно ожидать отъ своего начальства, какое на него будетъ возложено порученіе. Я на это ему отвѣчалъ, что, узнавши такъ близко заблужденія, вкравшіяся въ католицизмъ, и отказавшись отъ нихъ, лучшее мѣсто его дѣйствій можетъ быть западный край, гдѣ столько терпятъ православные отъ притѣсненій католиковъ.“

№ 22. Вотъ разсказъ, который слышала изъ весьма достовѣрныхъ устъ, о случившемся мѣсяца два послѣ кончины Владыки, и показывающій любовь его къ намъ оставшимся и вмѣстѣ силу его предствительствъ за насъ. Одна пожилая женщина очень бѣдная въ крайнихъ случаяхъ относилась ко Владыкѣ, и Владыка всегда помогалъ ей и иногда и самъ въ большіе праздники доставлялъ ей средства для пропитанія. (Имя ея—Хомецкая). Находясь по кончинѣ его въ крайней скудости вслѣдствіе тяжелой болѣзни сына, который уже былъ

опредѣленъ въ службу, и для котораго она сама должна была оставить мѣсто наставницы, занимаемое ею съ успѣхомъ въ одномъ изъ казенныхъ заведеній, она, истративъ на прачесовство и на содержаніе сына и себя все, что приобрѣла прежде трудами своими, вошла даже въ нѣкоторые долги и не знала, что дѣлать и къ кому обратиться за помощью. Много она думала, скорбѣла и даже почти доходила до отчаянія. Наконецъ время текло, и насталъ день, гдѣ оскуднѣе средствъ дошло до того, что негѣмъ было пообѣдать. Тогда она пошла къ одной изъ ея и нашей знакомой (которая мнѣ сіе и разсказывала), и передавая ей скудное положеніе, въ которомъ она находится, прибавила, что, если бы Митрополитъ былъ живъ, не была бы она теперь въ такомъ стѣсненіи; наконецъ просила что либо въ займы. Та спросила у нея: „сколько же нужно было бы вамъ, чтобы выйти изъ бѣды?“ Она отвѣчала ей, что на батѣнъ сына она затратила 60 рублей, да еще, чтобы кой что купить для ежедневнаго пропитанія, нужно было бы 16 руб. М. Н. грустно на это улыбулась и сказала: „вы знаете и мое положеніе; у меня въ настоящее время только и есть 8 руб.; угодно вамъ половину этихъ денегъ, я охотно съ вами подѣлюсь ими на время.“ Холевская очень ее благодарила и сказала, что она тотчасъ отправится купить на это чаю, сахару и хлѣба. Черезъ нѣсколько времени она съ большими слезами умиленія пришла разсказать ей слѣдующее: „въ тотъ день, какъ я отъ васъ пошла купить чаю, сахару и хлѣба, изнемогая отъ голода и скорби, я воротилась къ себѣ въ такомъ отчаяніи, что не могла никакъ успокоиться и даже часть ночи проходила большими шагами въ маленькой нашей комнатѣ; наконецъ отъ совершеннаго изнеможенія присѣла я на диванъ, задремала и вижу въ легкомъ снѣ Митрополита Филарета, который говоритъ мнѣ: „не должно предаваться такому отчаянію, по уповать на милосердіе Божіе; Онъ ближе еще къ намъ, когда мы въ скорби и покоряемся безъ ропота Его Святой волѣ, и тогда скорѣй видимъ несомнѣнную Его помощь.“ Это сонное видѣніе меня нѣсколько успокоило; я послѣ того перешла на кровать и подъ утро заснула. Утромъ, когда сынъ мой и я сѣли за маленькій столъ пить чай, купленный наканунѣ на данныя вами мнѣ деньги, кто то постучался неоднократно въ дверь (это было въ самые сильные холода въ Январѣ мѣсяцѣ); сынъ пошелъ открыть дверь и посмотрѣть кто тамъ, потому что мы никого не ожидали, особенно въ эту суровую погоду, вернулся сказать, что это какая то женщина, очень закутанная отъ холода, которую онъ никогда не видѣлъ, и что она лично меня спрашиваетъ, имѣя что то мнѣ лично передать. Я пошла въ свою очередь, и на вопросъ ея, назвавъ меня по имени, спросила, я ли это; отвѣтивъ утвердительно, я получила отъ нея пакетъ на мое имя и спросила, отъ кого это; она мнѣ отвѣчала, что ей не приказано сказывать, а только въ точности отдать мнѣ его. Возвратись къ себѣ, я распечатала пакетъ и нашла въ немъ 80 руб., необходимыхъ мнѣ для

расплатъ по разнымъ мелочнымъ лавочкамъ, гдѣ я забирала провизію. Мнѣ было хотѣлось догнать ее и слезно поблагодарить за щедрую помощь, но уже и слѣда ея не видно было. Потомъ въ тотъ же день принесъ мнѣ изъ Чудова монастыря маленькій пѣвчій письмо отъ Намѣстника Чудовскаго, въ которомъ онъ очень извинялся, что замедлилъ прежде исполнить послѣднее порученіе, данное ему еще Митрополитомъ за нѣсколько дней до его кончины, доставить мнѣ 15 руб. (которые тутъ и прилагалъ), но что всѣ грустныя событія, потомъ воспослѣдовавшія, совсѣмъ изгладили изъ памяти его это порученіе до нынѣшняго дня. Рассказывая это чудесное избавленіе, Х. обливалась слезами и пошла съ М. В. въ Чудовъ отслужить благодарственный молебенъ Господу Богу и Святителю Алексію и помолиться за усопшаго принопамятнаго Митрополита Филарета. Сего 19 Апрѣля 1868 г.

Лѣ 28. 7-го Мая 1868 г. Свято-Троицкая Лавра.

Вчера въ четвертомъ часу по полудни пріѣхали мы въ св. сію обитель по проливному дождю; но скоро онъ нѣсколько перемежился, и мы тотчасъ пошли съ сестрою на могилу незабвеннаго нашего недавно почившаго Архипастыря Митрополита Филарета. Какое невообразимое спокойствіе и безмятежное чувстволивается въ душу при этомъ безмолвіи пустыни, которая остается все такою же для тѣхъ, которые ее ищутъ! Скорби по его кончинѣ легче переносятся здѣсь, близъ его могилы, нежели въ Москвѣ. Молитва окрыляетъ духъ, и здѣсь чувствуешь себя нѣсколько свободнѣе, чтобы возноситься выше временныхъ житейскихъ заботъ, которыя однѣ мѣшаютъ человѣку пребывать неразлучно съ отшедшими отъ насъ душами. По просьбѣ нашей намъ отслужили панихиду. Потомъ, услышавъ благовѣстъ, посѣщили мы въ Троицкій соборъ на поклоненіе всей святинѣ по пути и въ самомъ соборѣ, гдѣ простояли вечерню и прекрасный молебенъ съ акафистомъ Преподобному Сергію; потомъ посѣтили намѣстника и услышали отъ него еще нѣсколько подробностей о волюбленномъ почившемъ Архипастырѣ нашемъ. Въ послѣдніе мѣсяцы здѣшняго его пребыванія, онъ часто, почти ежедневно, бесѣдовалъ о смерти. Намѣстникъ хаживалъ къ нему каждый день, и разговоръ, начинающійся о текущихъ дѣлахъ, всегда оканчивался бесѣдою о бликомъ предстоящемъ переселеніи въ вѣчность. Разъ Намѣстникъ сказалъ Владыкѣ, что гдѣ то прочелъ еще нѣсколько подробностей о жизни Святителя Тихона (это было послѣ того, когда уже Митрополитъ сообщилъ ему о томъ, что видѣлъ родителя своего, который приказалъ ему хранить въ памяти 19-е число), что Святителю Тихону было также извѣщеніе въ такомъ же родѣ, что Св. Тихонъ вымывалъ ко Господу словами Пророка Давида: „скажи мнѣ, Господи, кончину мою, и услышалъ голосъ, сказавшій ему: „это будетъ въ день Недѣльный.“ Владыка на это сказалъ съ радостнымъ выраженіемъ лица: „ахъ, какъ это хорошо, почить въ такой знаменательный день!“

И потомъ самъ сподобился такой же кончины въ день воскресный и еще по овершеніи литургіи. Написанныя имъ въ этотъ послѣдній день двѣ страницы утратились въ первыя минуты, полныя омятенія. Непонятно, почему произошла такая скорость въ захватѣ бумагъ, потому что Государственныя бумаги были при жизни Владыки отдѣлены имъ самимъ и даже запечатаны въ особенныя пакеты. Потомъ еще Владыка, готовясь въ отъѣздъ въ Москву, сказалъ Намѣстнику: „я думаю оставить у васъ въ ризницѣ портреты царскіе,“ прибавивъ: „это вещь государственная, и новую панатію также;“ но Намѣстникъ отвѣчалъ, что могутъ случиться люди въ Москвѣ, которые пожелаютъ посмотреть ихъ. „И то дѣло, сказалъ Владыка, такъ я ихъ возьму съ собою.“ Поэтому теперь такая безцѣнная вещь къ памяти Владыки и его юбилея можетъ утратиться для будущихъ временъ; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ это вопросъ нерѣшенный, потому что есть паслѣдники. Владыка собирался написать свое завѣщаніе въ видѣ окружающаго посланія, но не успѣлъ, или оно. можетъ быть, было написано, но теперь не находится въ бумагахъ. Можетъ быть, еще эту видимую медленность со стороны Владыки, который вообще былъ такъ мудръ и быстръ въ своихъ соображеніяхъ, можно истолковать его всегдашнимъ смиреніемъ относительно самого себя, замѣчаемымъ въ немъ съ молодыхъ лѣтъ его, и не только не измѣлявшимся ему, но все увеличивающимся до конца жизни. Тотъ, кто не зналъ его близко, совсѣмъ не зналъ его, такъ онъ умѣлъ ко всѣмъ себя прировнять и упростить себя съ простыми сердцами. Въ этомъ заключалась его величайшая мудрость.

№ 24. Еще о. Намѣстникъ разсказывалъ, что кто то видѣлъ сонъ, что онъ идетъ ко Владыкѣ, какъ будто еще живому, а между тѣмъ помнить, что уже на его мѣсто назначенъ Преосв. Иннокентій, приближался къ Митрополиту Филарету въ недоумѣніи и не понималъ, какъ это могло случиться. Владыка, какъ бы прозрѣвъ его смущеніе на этотъ счетъ, сказалъ ему: „чему вы смущаетесь; Иннокентій назначенъ ко мнѣ третьимъ викаріемъ, а я всетаки остаюсь Митрополитомъ.“

№ 25. Перескажу еще о недавнемъ достовѣрномъ случаѣ, какъ слышала отъ нашего духовнаго отца, священника церкви Іоанна Воина, что за Москвой рѣкой. Одинъ молодой человѣкъ, провинше котораго теперь не припомню, въ прошломъ Январѣ поѣхалъ въ Ташкентъ по своимъ торговымъ дѣламъ и находился тамъ нѣкоторое время въ развѣздахъ. Однажды поздно вечеромъ достигла его непогода въ дорогѣ, и къ ночи такъ увеличился морозъ (это было въ Январѣ 1868 г.), что путникъ и его кучеръ потеряли всякую надежду достигнуть до какого нибудь жилья для ночлега (вѣроятно они сбились съ дороги) и не знали что имъ дѣлать. Даже олени, на которыхъ они ѣхали вмѣсто лошадей, остановились среди степи и начали кричать, что, говорятъ, недоб-

рый знакъ, и не хотѣли идти впередъ. Дѣлать было нечего: кучеръ сошелъ съ козелъ и какъ то приотился около повозки, а купецъ, который самъ потомъ разсказывалъ о происшедшемъ, готовился уже къ неминуемой смерти. Онъ чувствовалъ, что члены его коченьютъ, и онъ замерзаетъ, но долго противоборствовалъ дремотѣ, частой предвѣстницѣ такого рода смерти. Боясь окончательно заснуть непробуднымъ сномъ, онъ прислонился стоя къ повозкѣ и однако, не смотря на всѣ его усилія, не могъ не задремать на нѣсколько минутъ и въ этотъ мигъ видѣть идущаго къ нему недавно почившаго Святителя нашего Филарета, который какъ бы подавъ ему руку, обѣщая несомнѣнную и скорую помощь Божію; за нимъ слѣдовалъ въ нѣкоторомъ разстояніи давно почившій отецъ сего молодого человѣка, который при жизни часто посѣщалъ Владыку, всегда милостиво принимавшаго его. Мгновенно очнувшись отъ дремоты, путникъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что видѣлъ Митрополита и родители своего не въ дальнемъ отъ него разстояніи, уповавъ, что это въ означеніе того, что онъ и въ селеніяхъ праведныхъ не очень далеко отъ Святителя нашего. Вскорѣ послѣ того послышался очень отдаленный лай собаки; олени встрепетались, ѣздокъ и кучеръ побѣжали занять свои мѣста, олени подлетѣли на призывный лай собаки, и не болѣе какъ отъѣхавъ верстъ пять, они увидѣли маленькое жилище, куда хотя и не тотчасъ, но пустили ихъ отогрѣться. На вопросъ хозяйки хаты, какъ они ее отыскали, они показали, что ѣхали въ направленіи, откуда слышали лай собаки, но онъ на это имъ отвѣчалъ, что у него собакъ никогда не бывало, и лай никакого не было. Вотъ какими путями спасаетъ милосердый Господь, въ видѣ своихъ избранныхъ, грѣшнаго человѣка, который въ минуты близкой опасности вызываетъ къ нему, чувствуя, что одному Богу возможно его спасти отъ неминуемой смерти. Утѣшительно также въ этихъ примѣрахъ благодати Божіей усматривать, кто изъ избранныхъ Его посылается Ангеломъ Хранителемъ къ человѣку.

При жизни даже нашего Святителя не разъ слышали мы подобные разсказы. Простые и иногородные люди, ѣхавшіе съ обозами изъ внутреннихъ губерній нашихъ, также запутавшіеся, были выводимы на правый путь Митрополитомъ Филаретомъ въ видѣ простаго инока, дотошъ имъ неизвѣстнаго и котораго они узнавали въ лицѣ Святителя нашего, когда въ праздничный день Богъ приводилъ ихъ присутствовать при его сауженіи въ Чудовѣ монастырѣ.

Не знаю, они ли сами, постаравшись потомъ принять еще разъ благословеніе Святителя у него на дому, или кто другой, разсказали о томъ самому Митрополиту; но онъ, со свойственнымъ ему смиреніемъ, сказалъ, что Господь Богъ посылаетъ иногда Ангела Хранителя въ видѣ простаго человѣка для спасенія нашего, дабы отклонить неизбѣжный страхъ, который неминуемо овладѣлъ бы нами, если бы мы безъ прикрытія сподобились видѣнія Ангельскаго.

№ 26. 10-го Іюня 1868 г.

Во многихъ повременныхъ изданіяхъ появились составляемые нынѣ биографическіе очерки о приснопамятномъ Святителѣ Московскомъ Филаретѣ, гдѣ перечисляютъ все то, что онъ написалъ въ теченіе своего столь продолжительнаго, дѣятельнаго и многотрудоваго доприщія; но подвиги строго монашеской его жизни были имъ творимы такъ тайно, что о нихъ еще мало упоминается.

Вотъ что случилось мнѣ слышать изъ весьма достовѣрнаго источника, отъ одной старушки крестьянки весьма богобоязливой и смиренной, которая теперь и сама перешла въ вѣчность. Святитель нашъ въ лѣтнее время употреблялъ лѣсную землянику, которая, по словамъ его, приносила ему ощутительную пользу; такъ что позднѣе многие изъ усердствующихъ ко Владыкѣ доставляли ему оной иногда въ большомъ количествѣ изъ своихъ имѣній, сосѣднихъ къ Лаврѣ; но Владыка всегда ограничивалъ пропорцію того, что употреблялъ самъ, такъ что, когда количество ягоды было велико, онъ всегда дѣлалъ замѣчаніе. Пользу же земляники ощущалъ такую, что разъ ему случилось сказать одному Митрополиту, пріѣхавшему съ востока и объяснявшемуся съ нимъ чрезъ переводчика о пользѣ винограда страны своей, что и у насъ на сѣверѣ есть ягоды, которая съ пользою употребляется немощные, хотя и не въ тѣхъ же именно случаяхъ, и указалъ на землянику. Но возвращаюсь къ начатому разсказу. Когда Митрополитъ долго оставался въ Москвѣ по дѣламъ епархіи, то кто то изъ прислуги его подговорилъ поселнику приносить ему земляники изъ деревни, и Владыка при этомъ вознаграждать трудящуюся старушку за трудъ ея. Однажды она принесла ягоды передъ вечеромъ наканунѣ праздника или воскреснаго дня; вскорѣ потомъ началась всеночная на подворьѣ. Старушка пожелала помолитися, осталась на всеночную, смиренно пріютившись въ отдаленномъ уголкѣ, и вѣроятно нѣсколько задремала. Послѣ всеночной скоро погасили свѣчи, причтъ церковный разошелся, и заперли церковь, не замѣтивъ задремавшую старушку. Въ полночь изъ внутреннихъ своихъ покоевъ въ боковую дверь перешелъ на молитву въ церковь Владыка и сталъ совершать свое келейное правило, полагая себя въ совершенномъ одиночествѣ. Онъ сталъ у аналой. Старушка въ трагетѣ проснулась и была овидѣтельница долгой молитвы Владыки, въ которую онъ такъ углубился, что, проникнутый сердечнымъ умиленіемъ и поканіемъ, въ слезахъ приклонилъ главу на аналой. Старушка сама была такъ тронута молитвой Владыки, что, забывъ свой страхъ, громко всхлиывая повторяла: „что же намъ грѣшнымъ будетъ дѣлать, если ты ужъ такъ плачешь, ангелъ Божій?“ Владыка, услышавъ сей вопль среди глубокой тишины ночи и въ полумракѣ, не оглянувшись никуда, скорыми шагами удалился во внутренніе свои покои. Старушка въ испугѣ никому не повѣдала о случившемся и только молила Бога, какъ бы незамѣченной на другой день послѣ обѣдни со всѣмъ на-

родомъ выйти изъ церкви. Такъ и случилось. Утромъ ключарь отперъ церковь, и она понемногу стала наполняться усердствующими ко храму Божию. На подворьяхъ всегда бывало такъ много молящихся всѣхъ сословій, и иные прѣзжали и приходили такъ рано, чтобы занять лучшія мѣста, особенно когда являлись, что самъ Святитель будетъ служить, что старушка такъ же вышла по окончаніи литургіи нигды незамѣченная, какъ и пришла. Нѣсколько мѣсяцевъ она никому не говорила о случившемся; но по прошествіи нѣкотораго времени совѣсть стала ее мучить, что она допускала Святителя своимъ неумѣстнымъ воплемъ, что онъ, можетъ быть, ея голосъ принявъ за голосъ искушителя, и рѣшилась прибѣгнуть къ оному Владыкѣ, принести ему полную исповѣдь въ неумышленномъ своемъ поступкѣ, причинившемъ ему испугъ. По крайней мѣрѣ она все это такъ сама рассказывала одному духовному лицу, передавшему это мнѣ. Придя разъ на подворье, она рѣшилась попросить прислугу доложить Владыкѣ о ней, говоря, что она имѣетъ до него крайнюю нужду. Владыка всѣхъ допускалъ до себя, о комъ ему докладывали, и если даже не имѣлъ времени тотчасъ принять, то въ такомъ случаѣ назначалъ болѣе свободное и удобное для себя время. Не помню, тотчасъ ли онъ ее принялъ, или приказалъ прийти въ другой часъ, но, однимъ словомъ, припавъ къ Святителевымъ стопамъ, она простоосердечно и подробно рассказала, какъ она задремала во время всенощной, какъ потомъ проснулась, когда уже всѣ свѣчи были погашены и церковь заперта, рѣшилась ожидать до слѣдующаго утра, чтобы неприкѣтно выйти, когда отперуть церковь, не имѣя никакого другаго дурнаго помысла; какъ, наконецъ, она была свидѣтельницею ночнаго подвига Владыки и, наконецъ, какъ она была растрогана его молитвой, нечаянный вопль вырвался изъ груди ея и помѣшалъ ему окончить правило. Владыка спросилъ ее, говорила ли она объ этомъ кому либо. Она отвѣчала, что никому не говорила, сама утраченная своимъ поступкомъ, и что ему бы ничего не сказала, если бы совѣсть съ тѣхъ поръ не стала повременамъ ее тревожить, что она, можетъ быть, помѣшала ему въ соблюденіи обычая выходить въ его домовую церковь на почную молитву. Владыка запоядалъ ей никому сего не открывать и, чтобы болѣе заградить уста ея на будущее время, или обративъ вниманіе на ея преклонные годы и немощь, пристроилъ ее въ Лаврскую женскую богадѣльню, гдѣ она и скончалась спустя много лѣтъ, и уже по кончинѣ Владыки, разговоришись въ уединеніи со своею товаркой о духовныхъ подвигахъ Владыки, рассказала ей приведенный мною случай.

№ 27. Сего 16-го Іюня.

Помѣръ того, какъ случается прочесть что либо о Московскомъ Митрополитѣ Филаретѣ, самой приходять на память разныя подробности, до него касающіяся. Митрополитъ любилъ для себя совершенную простоту монашескую и

большую умирность. Если случалось что либо поднести ему, то главное, что обращало на себя его внимание, былъ смыслъ подносимой ему вещи и при томъ простота. Въ 1857 году мы ѣздили въ Киевъ на поклоненіе святынь. Возвратившись обратно въ Москву, мы доставили Владыкѣ просфору, выпутую за его здравіе въ Киево-Печерской церкви, называемой Великою, потомъ шапочку изъ фіолетоваго бархата, которую прикладывали къ угодицамъ, почитающимъ въ пещерахъ; изображеніе на бумагѣ иконостаса Софійскаго собора и фотографію Митрополита Киевскаго Филарета, который часто бесѣдовалъ съ нами о нашемъ Святителѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ. Онъ сожалѣлъ, что никогда не удалось нашему Владыкѣ посѣтить святыни Киевской, и приказалъ ему сказать, что уже не надѣется видѣться съ нимъ въ здѣшнемъ мірѣ, но надѣется встрѣтиться у Престола Всевышняго въ будущей жизни. Святитель нашъ съ большимъ чувствомъ принялъ наше приношеніе; шапочку нерѣдко носилъ, портретъ Митрополита Киевскаго всегда стоялъ у него на столѣ, а иконостасъ Софійскаго собора, изображенный красками на бумагѣ, обратилъ на себя особенное его вниманіе. Позднѣе, когда въ Бородинской пустыни отдѣлывался иконостасъ въ большомъ соборѣ, который по величинѣ и вышинѣ собора долженъ былъ быть изъ нѣсколькихъ ярусовъ, что потребовало бы немалыхъ издержекъ, а за нимѣніемъ на то достаточныхъ средствъ, дабы не откладывалъ окупчаніе внутренней отдѣлки Собора, Владыка, по примѣру иконостаса Софійскаго собора, совѣтовалъ сдѣлать иконостасъ на нѣсколько ярусовъ ниже, нежели предполагалось, для сокращенія издержекъ, и дополнить это большой картиной въ алтарѣ на запрестольной стѣнѣ, на подобіе иконы Божіей Матери мозаичной работы, именуемой „Нерушимой стѣной“, находящейся именно въ Софійскомъ соборѣ, говоря, что эта стѣнная картина своимъ изображеніемъ восполнитъ пустоту верхнихъ ярусовъ иконостаса, и содержаніе ея надлежитъ заимствовать изъ жизни Христа Спасителя; что и было исполнено. (Это написано со словъ самого Святителя нашего). Въ прошломъ Августѣ мы видѣли это самое изображеніе Киево-Софійскаго собора, висащее въ рамкѣ за стекломъ въ его скитской кельѣ, гдѣ замѣтна самая большая простота: деревянныя скамьи по стѣнамъ и такіе же столы дубовые, на которыхъ лежали разныя бумаги и книги.

№ 28. Сего 6-го Августа 1868 г. Успенское.

Вчера цѣлый день находилась я подъ влияніемъ всего того, что происходило въ прошломъ году въ Лаврѣ въ это самое число, въ день юбилея покойнаго Св. Владыки нашего. Никогда ничего подобнаго не бывало и не будетъ, какъ то святое торжество, которое происходило въ этотъ день. Благодарю Бога, что Онъ позволилъ намъ быть свидѣтельницами онаго и присутствовать при молитвахъ, повсемѣстно приносимыхъ во всѣхъ церквахъ въ Москвѣ и въ Лаврѣ въ этотъ пятидесятилѣтній день его достойнаго епископства. Многочислен-

ное духовенство и 12 архієпископовъ и епископовъ собрались для празднованія столь многотысячнаго іерарха нашего. Но́въ чувствовали, что узрять и услышать его въ послѣдній разъ въ жизни. Онъ одинъ въ глубокоемъ своемъ смиреніи какъ бы удивлялся, поче́то такъ его празднуютъ. Число іерарховъ было бы гораздо больше, если бы на вопросятельныя письма, къ нему самому адресованныя мѣсяца за два до этого дня, навсегда записаннаго на окрижальяхъ нашей отечественной исторіи, могли бы они прѣхать къ нему дню, онъ, не зная, что готовилось какое-либо особенное молебствіе, отвѣчать, чтобы они не беспокоились. Но всеобщее желаніе всѣхъ сословій достойно доказавъ ему, сколько онъ всѣми почитаемъ, нашло полное сочувствіе и одобреніе въ Благочестивѣйшемъ Монархѣ нашемъ, который еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, прѣхавъ въ Москву, дабы ближе познать древнюю столицу съ юною четою—Цесаревичемъ Наслѣдникомъ и достойной его подругой Цесаревной Маріей, самъ говорилъ за обѣденнымъ столомъ во дворцѣ съ викаріемъ о Митрополитѣ Филаретѣ, сказавъ, что приближается 50-лѣтній юбилей его епископства и достославной неугоминой его дѣятельности, чему пѣть примѣра не только во все время іерархіи въ Россіи, но даже и въ Греціи. И такъ, Владыка одинъ не зная, какъ готовятся праздновать его, и, удрученный лѣтами и немощами, послѣ 5-го Іюля, празднества преподобному Сергію, отслуживъ самъ литургію въ этотъ день въ Лаврѣ, въ Троицкомъ соборѣ, удалился въ скитъ и цѣлый мѣсяцъ провелъ тамъ безвыѣздно въ уединенномъ богомыслии и безмолвіи, продолжая молиться и заниматься текущими дѣлами. За три дня до юбилея онъ изъ скита отавчалъ мѣѣ нѣсколькими строками на вопросъ мой объ одномъ дѣлѣ и, между прочимъ, о томъ, будемъ ли мы утѣшены увидѣть его въ Лаврѣ на 5-е Августа, что намѣренъ прибыть къ этому дню съ силами, изнемогающими уже и для обыкновенныхъ дней жизни его. 3-го числа послѣ полудня прибылъ Владыка въ Лавру. Въ этотъ день мы съ сестрою сподобились приобщиться Св. Таинъ и пошли тотчасъ до вечера принести заранѣе наше смиренное поздравленіе и благожеланіе возлюбленному и досточтимому маститому іерарху нашему, зная, что на другой же день прѣдутъ ожидаемые архієпископы и многіе сановники изъ Москвы. Когда мы пришли въ кельи Владыки, онъ стоялъ въ залѣ и принималъ уже двухъ пустынныхъ игуменій — Коломенскую и Влахернскую. Онъ тотчасъ откланялся, а Владыка повелъ насъ, сестру и меня, въ гостиницу и указавъ намъ сѣсть. Небольшой диванъ его стоить у окна, гдѣ помѣстился онъ самъ и я подѣлъ него, а сестра противъ него на креслахъ у того же окна. На вопросъ нашъ, принесло ли ему пользу пребываніе въ скиту, онъ отвѣчалъ, что здоровье его въ томъ же положеніи, и даже тому недѣлю онъ очень худо себя почувствовалъ, что лѣта его такіа преклонныя, что онъ не можетъ и ожидать улучшенія здоровья, и что вообще онъ очень слабо себя чувствуетъ, не

успѣвъ еще поправиться съ 22-го Іюля. Въ то время онъ находился въ крайнемъ изнеможеніи, происшедшемъ, по словамъ его доктора, отъ продолжительнаго труда, къ которому Владыка былъ такъ привыченъ, что, когда занимался чтеніемъ или письмомъ, то время казалось ему слишкомъ скоротечнымъ. На замѣчаніе наше, что, кажется, іюльскіе жары вредно дѣйствуютъ на Владыку, и мы помнимъ, что и въ прошломъ году, бывъ въ Лаврѣ въ это же время, мы слышали, что Владыка слабо себя чувствовать и сомнѣвался, будетъ ли онъ въ состояніи совершить хиротонію надъ преосвященнымъ Игнатіемъ и на другой день отслужить литургію; Владыка послѣ лучше себя почувствовалъ, даже съ самаго этого дня и во весь Августъ, который былъ менѣ жарокъ и даже нѣсколько дождливъ, и въ самый день посвященія епископа Игнатія шелъ проливной дождь, а Владыка послѣ этого дня служилъ еще нѣсколько разъ литургію въ Лаврѣ и также 25-го Сентября; на сіе замѣчаніе мое, Владыка отвѣчалъ мнѣ: „вы забываете, что тому уже годъ, какъ это все происходило; въ мои преклонныя лѣта годъ очень много значить; теперь я считаю жизнь свою не годами, ни даже мѣсяцами, ни даже недѣлями, но часами, или даже четвертями часа.“ На замѣчаніе медика Рахманова, что 22 Іюля 1867 г. Владыка изнемогъ потому, что слишкомъ три часа занимался безостановочно какимъ то письменнымъ дѣломъ, Владыка отвѣчалъ ему, что эти три часа показавшіе ему полчасомъ, Такъ любилъ онъ предаваться занятіямъ! Потомъ Владыка перешелъ къ другому разговору и спросилъ насъ: „знаете ли вы этихъ двухъ игуменій, которыхъ вы у меня застали, когда вошли ко мнѣ?“ Мы отвѣчали, что давно знаемъ игуменью Серафиму Спасо-Влахернской обители, находящейся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ Дмитрова и въ 80 верстахъ отъ Лавры; но второй игуменъ не знаемъ. Тогда Владыка сказавъ намъ, что это Коломенская, и разсказавъ намъ, какъ онъ назначилъ ее, когда и по какому поводу.

№ 29. 6-го Ноября 1868 года.

Скоро приближается 19-е Ноября, день годовщины припомятаго Святителя нашего Филарета. Мысль безпрестанно переносится къ послѣднему нашему свиданію съ нимъ, и вчера въ близкой бесѣдѣ съ нѣкоторыми присными, каждый припоминалъ и разсказывалъ, что слышалъ о немъ. Между прочимъ одна изъ собесѣдницъ, преклонныхъ уже лѣтъ и достойная полнаго довѣрія, вотъ что разсказала намъ, слышанное ею отъ московскаго купца, бывшаго очевидцемъ того, что онъ разсказывалъ. Ему привелось быть по торговымъ дѣламъ въ Казани, гдѣ онъ былъ въ дѣлахъ и сношеніи съ другимъ промышленникомъ. Между прочимъ, посѣщая храмы того края и присутствуя при служеніи тамошняго епископа, по возвращеніи къ своему товарищу, много говорилъ о насѣмъ Владыкѣ. „Жаль, говорилъ онъ, что вы не бывали въ Москвѣ и не знаете нашего Святителя, не видывали его въ служеніи и въ бесѣдѣ;“ и многое раз-

сказывалъ о немъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и умиленія. Но собесѣдникъ его нисколько не былъ тронутъ его рѣчью, напротивъ отвѣчалъ ему съ глумленіемъ и между прочимъ сказалъ: „мнѣ кажется, что вы и многіе московскіе жители благоговѣете предъ Митрополитомъ вашимъ, какъ бы предъ святымъ; но впрочемъ не всѣ одинаковаго о немъ мнѣнія. и слухи и тѣ, и другіе до насъ доходили;“ и сталъ противорѣчить рассказамъ московскаго купца. Но сей послѣдній имѣлъ счастье знать лично Митрополита Московскаго, возражалъ съ чувствомъ глубоко-проникнутаго благоговѣнія, наконецъ окончательно сказалъ: „я бы отъ души желалъ, чтобы и вѣсь когда нибудь ваши торговые дѣла привели въ Москву; тогда бы вы сами убѣдились въ справедливости моихъ словъ.“ Дѣйствительно, года черезъ два казанскій купецъ пріѣхалъ въ Москву и обращался по торговлѣ къ своему старому знакомому. По просьбѣ его, онъ съ нимъ отправился въ соборъ и присутствовалъ при служеніи Митрополита, уступивъ сему требованію весьма неохотно; однако на него подѣйствовало величавое и вмѣстѣ съ тѣмъ умирительное служеніе Митрополита Филарета. Когда служба кончилась, товарищъ подвелъ его къ благословенію Владыки, который, благословляя его, въ полголоса произнесъ: „положи, Господи, храненіе устамъ моимъ.“ Эти слова и видъ Владыки сильно поразили пріѣзжаго, и онъ уже самъ пожелалъ быть на подворьѣ у Владыки и послѣ первой бесѣды пожелалъ быть и опять, вслѣдствіе чего сдѣлался усерднымъ его почитателемъ.

№ 30. Владыка, говоря съ посѣтителями своими, мудро примѣнялся къ понятіямъ каждаго и степени ихъ духовнаго пониманія. Напримѣръ, говоря о терпѣніи съ людьми свѣтскими, онъ примѣры избиралъ изъ міра видимаго, дабы быть для нихъ удобопонятнымъ, ибо большая часть изъ насъ не всегда примѣняетъ къ жизни своей то, что имъ покажется загадочнымъ, хотя и основаннымъ на вѣрѣ, оттого что не у всѣхъ одинаково тверда вѣра, тогда какъ, по настоящему, должно слѣпо вѣровать, не входя ни въ какія умствованія человѣческія. Мы всѣ читаемъ Евангеліе, желая вѣрить всему, что тамъ читаемъ, а, когда придется Евангельскія истины приложить къ событіямъ нашей жизни, находимъ отговорки, говоря, напримѣръ, что мы не святые, и хотѣли бы, да не можемъ. И такъ, Владыка о терпѣніи говорилъ: „но всемъ нужна постепенность и даже иногда медленная постепенность. Посмотрите на все въ природѣ: пахарь засеиваетъ свое поле съ осени, потомъ проходитъ дѣлая зима, и только на другой годъ растетъ колосья и созрѣваетъ сѣмя и приноситъ плодъ свой; такъ что только по прошествіи цѣлаго года пахарь получаетъ плодъ труда своего.“

№ 31. Когда случается, что собирается тѣсный кружокъ людей, особенно чужихъ памяти покойнаго Митрополита Московскаго Филарета, то посылается много рассказовъ о немъ, что каждому привелось слышать или на себѣ испытать. Вотъ что на дняхъ рассказывала намъ одна почтенная старушка. Одна скорбѣ

ная мать имѣла несчастье лишиться дочери внезапно. Сія послѣдняя въ минуту отчаянія по случаю своего проступка наложила на себя руки и удавилась. Мать отнеслась къ приходскому священнику, прося его молить, но онъ сказалъ ей, что Церковь Православная воспрещаетъ приносить молитвы въ храмъ за такого рода преступниковъ. Мать, очень огорчившись этимъ, рѣшилась обратиться со своей просьбой ко Владыкѣ и стерегла минуту, когда онъ выходилъ садиться въ карету, пала къ ногамъ его, говоря, что у нея до него кровная просьба, и что ей нужно видѣть его наединѣ. Митрополитъ назначилъ ей часъ на слѣдующій день. Когда она повѣдала ему свою скорбь и тайну, онъ ей сказалъ, что дѣйствительно священникъ былъ правъ въ томъ, что онъ ей сказалъ, но, раздѣлая скорбь матери, и чтобы не оставить ее совсѣмъ безъ утѣшенія, а можетъ быть по какому либо извѣщенію овыше, подумавъ нѣсколько, сказать ей: „попробуемъ еще одно средство. Подите на ея могилу и разсыпьте на ней пшеницу, а сами сядьте поодаль и посмотрите; если птицы соберутся кругомъ и станутъ клевать это сѣмя, то я разрѣшу вамъ молитву; если же нѣтъ, то не могу разрѣшить. Но я въ этомъ совершенно полагаюсь на вашу совѣсть и надѣюсь, что вы мнѣ послѣ ослѣдннаго опыта передадите сухую правду.“ Несчастная мать пошла нѣсколько утѣшенная домой, но черезъ нѣсколько времени воротилась и сказала откровенно, что, разсыпавъ сѣмя на могилѣ, увидѣла, какъ множество птицъ слетѣлось на эту приманку, но только что хотѣли было приняться за пищу, всѣ опять разлетѣлись, и ни одна не клонула. Тогда Владыка сказалъ: „молитесь въ душѣ вашей и келейно, но въ храмъ я не могу сего допустить; есть на это особенное постановленіе церкви, котораго я не въ правѣ отминая.“

№ 32. Однажды трое богомольцевъ, помолившись въ Лаврѣ, пожелали посѣтить скитъ, гдѣ никогда не бывали, и подошли къ вратамъ скитскимъ; но привратникъ сказалъ имъ, что въ обыкновенное время вохъ не пускаютъ, потому что это мѣсто уединенія Митрополита, который въ то время тамъ находился, равно и всей братіи. Но такъ какъ они неотступно о томъ просили, то онъ сказалъ, чтобы они нѣсколько подождали, а онъ доложитъ самому Митрополиту. Митрополитъ на докналъ его отвѣчалъ: „пусть двое взойдутъ, а третій нѣтъ.“ Келейный переспросилъ, недоумѣвая, которому же надлежитъ остаться за вратами скита. Святитель повторилъ то же и прибавилъ: „такъ и передай.“ Оказалось, что изъ троихъ припелельцевъ одна была женщина, переодѣтая въ мужское платье. Она сама тутъ же и призналась съ раскаяніемъ, что любопытство заставило ее переодѣться и прибѣгнуть къ этому обману.

№ 33. 4-го Мая 1872 года.

Одной нашей знакомой очень хотѣлось получить въ благословеніе отъ неликаго Святителя Московскаго Филарета его „Слова и рѣчи.“ Онъ ей ихъ далъ

съ слѣдующей надписью: „ищущій пользы душевной найдетъ ее и въ несовершенномъ словѣ.“ Смирненное выраженіе, достойное подражанія.

№ 34. 27-го Іюня 1872 года. Аносиа пустынь.

Мы здѣсь уже съ недѣлю живемъ; говѣли, котомъ посѣтили нашу милую, дорогую Матушку Игуменю Евгенію. Съ пей часто намъ любимыя разговоръ о покойномъ Святителѣ нашемъ Филаретѣ, Митрополитѣ Московскомъ. Она намъ сказывала, что въ Лаврѣ записываются исцѣленія и видѣнія, которыя совершаются на могилахъ Владыки, или о которыхъ къ нимъ доходятъ свидѣнія отъ тѣхъ, которые исцѣлялись. Вотъ что, между прочимъ, недавно случилось на Троицкой желѣзной дорогѣ. Кондукторъ во время поѣзда увидѣлъ издали человѣка, стоявшаго среди дороги; боясь задавить, онъ нѣсколько разъ употреблялъ въ дѣйствіе свой свистокъ, но напрасно: человѣкъ не сходилъ съ мѣста. Наконецъ кондукторъ употребилъ все свое стараніе, чтобы выпустить пары и остановить поѣздъ, что ему наконецъ удалось. Тутъ онъ дошелъ до мѣста, гдѣ былъ видѣнъ человѣкъ, и узналъ въ немъ подобіе незабвеннаго Владыки нашего. Тогда онъ сталъ думать, для чего это, и осматривать пристально, нѣтъ ли чего нибудь попорченнаго въ дорогѣ или локомотивѣ, и увидѣлъ, что около этого мѣста были попорчены рельсы и даже въ одномъ мѣстѣ ихъ совсѣмъ не было. Тотчасъ этому помогли, потому что они, вѣроятно, соскочили съ мѣста. Пріѣхавъ въ Лавру, онъ довелъ это обстоятельство до отца Намѣстника, который приказалъ и этотъ его рассказъ прибавить къ находящимся запискамъ.

№ 35. 4-го Іюля 1872 года.

Вотъ еще нѣсколько рассказовъ, слышанныхъ о покойномъ Митрополитѣ въ Аносинѣ же. Викарій преосвященный Леонидъ, посѣтивъ монастырь въ бытность нашу тамъ, передалъ два примѣра разительной прозорливости Владыки, слышанныхъ имъ отъ тѣхъ самыхъ лицъ, съ кѣмъ это было. Одно духовное лицо, бесѣдуя съ Митрополитомъ, при окончаніи бесѣды подумало про себя, что нельзя не позавидовать его великому уму. Владыка, прощаясь съ нимъ, сказалъ ему: „завидовать ничему не должно.“

Второй примѣръ, имъ же приведенный, былъ слѣдующій: преосвященный Нектарій, прощаясь съ Владыкой, подумалъ: „можетъ быть, это уже въ послѣдній разъ;“ но Митрополитъ, глядя на него, сказалъ: „еще увидимся.“

№ 36. Игуменія Евгенія рассказывала, какому трогательному свиданію Митрополита съ Псковопсковымъ старцемъ Мееодіемъ была она свидѣтельницей на Троицкомъ подворьѣ въ Москвѣ. Старецъ Мееодій былъ произведенъ въ архимандриты года за три до кончины Владыки, который очень уважалъ сего 80-лѣтняго подвижника. Сей послѣдній по случаю своего повышенія пріѣзжалъ ко Владыкѣ; онъ хотѣлъ объ руку поклониться Митрополиту, но тотъ удержалъ его и обнялъ. О. Мееодій сказалъ: „я не благодарю васъ за санъ архимандрита:

я ему не радъ на старости лѣтъ, но мнѣ дорога любовь и память твоя обо мнѣ." Потомъ старцы сѣли было побесѣдовать, но отецъ Меводій былъ уже крѣпокъ на ухо, а Митрополиту было уже трудно возвышать голосъ, отъ природы очень тихій, и потому, опять заключивъ въ объятія одинъ другаго, они разстались. По этому случаю вспоминаю, какъ Владыка намъ говорилъ о немъ и о его монастырѣ, въ которомъ онъ начальствовалъ болѣе сорока лѣтъ, относился съ похвалою, говоря также, какое строгое общежитіе было въ этомъ монастырѣ при поступленіи Митрополита на епархію; всадъ по кельямъ была такая оскудость, что кельи никогда на замокъ не запирались, потому что нечего было оттуда похитить. Лѣтъ черезъ 25, когда Митрополитъ посѣтилъ опять Пѣношоую обитель, настоятель опять сопровождалъ его по кельямъ, но Святитель замѣтилъ, что нѣкоторыя кельи запирались замками, и на вопросъ его, зачѣмъ и что въ нихъ завелось, старецъ простоудушно отвѣчалъ ему, что у нѣкоторыхъ монаховъ завелись самоварчики.

№ 37. Еще игуменія Енгенія разсказывала объ одной изъ среды ея монастыря, которая при насъ мела дорожки по монастырю около цвѣтничковъ и высыпала ихъ пескомъ, что это въ родѣ помѣшанной или полоумной. Съ ней случались припадки, и въ это время она убѣгала изъ монастыря и терялась по нѣсколькимъ мѣсяцевъ. Настоятельница, не зная что дѣлать въ этомъ случаѣ и боясь ответственности, отнеслась къ Владыкѣ за совѣтомъ. Онъ ей сказалъ, что надо предупредить объ этомъ мѣстную полицію. Разъ она долго была въ отсутствіи, и узнали, что она пробралась въ Петербургъ, тамъ была охвачена и посажена въ домъ умалишенныхъ, а потомъ опять явилась въ Аносинѣ. Тому десять лѣтъ при послѣднемъ посѣщеніи Митрополитомъ Аносина, проѣздомъ изъ Саввина, гдѣ онъ освящалъ скитъ, Митрополитъ, проходя изъ церкви въ настоятельскія кельи въ сопровожденіи игуменіи, былъ остановленъ на дорогѣ этой полоумной, которая подскочила къ нему съ поножомъ и что то ему сказала. Владыка въ недоумѣніи посмотрѣлъ на Матюшку Евгенію, которая въ полголоса напомнила ему, что это та самая, о которой она ему доносила. Владыка принялъ подсекъ, положилъ ей руку на голову, сотворилъ молитву, и съ тѣхъ поръ припадки этой полоумной уже не возобновлялись. Она осталась на постоянное жителство въ монастырѣ, любить оправлять могилы, находящіяся среди монастыря; и ея послушаніе состоитъ въ томъ, что она мететъ дорожки, усыпаетъ ихъ пескомъ, и сама совершенно успокоилась.

№ 38. Опять возвращаясь къ разсказамъ о Митрополитѣ Московскомъ, о которомъ много говорили въ Борисо-Глѣбскомъ Аносинѣ монастырѣ. Онъ, какъ духовный прозорливый старецъ, требовать отъ тѣхъ, въ которыхъ видѣлъ твердую вѣру, но еще съ нѣкоторою робостію, несумѣнное полное упованіе на милосердіе и помощь Божію, и самъ такъ несомнѣнно изъяснялъ, что вѣру эту пе-

редавалъ и тѣмъ, которые съ искреннимъ сознаниемъ прибѣгали къ нему со своими недоумѣніями. Вотъ что рассказывала намъ игуменья Евгенія, теперешняя настоятельница монастыря и внука основательницы: „въ первые годы моего управленія монастыремъ случалось переживать такія времена, что ни рубля не было денегъ; мнѣ одной можно было бы это перенести, но находясь во главѣ довольно многочисленной общины (100 человѣкъ) и не зная что дѣлать, я обращалась къ Владыкѣ съ этимъ же вопросомъ: что мнѣ дѣлать?—потому что въ устахъ основательницы монастыря заповѣдано никогда по собору не ходить и не просить ни у кого. Митрополитъ мнѣ отвѣчалъ на мой вопросъ: „молись прилежнѣе, и Богъ пошлетъ все нужное.“ Я не смѣла прекословить, а сама думаю: „молиться буду, но могу ли быть увѣрена въ успѣхъ своей немощной молитвы?“ Однако усугубляла молитву, и въ непродолжительномъ времени неожиданно помощь приходила, и часто отъ людей вовсе незнакомыхъ и даже намъ незнакомыхъ и небогатыхъ; но Господь располагалъ сердца ихъ въ нашу пользу. Напримѣръ, одна посѣтельница, прѣхавшая къ намъ помолиться, пришла въ такое умиленіе отъ дней, проведенныхъ у насъ, что неоднократно говорила объ этомъ своему мужу. Онъ на одрѣ болѣзни завѣщать послѣ себя 1000 руб. на нашъ монастырь, и они такъ скромно это устроили, что жена и ко мнѣ не приходила, но положила билетъ на нашъ монастырь; меня вызвали въ Москву для полученія увѣдомленія о томъ и полученія по оному процентъ, и я не знала даже, кому я была обязана этой помощью. Въ другой разъ опять случилась крайняя необходимость уже не просто въ насущномъ хлѣбѣ, но на необходимую поправку церковную. Опять я прибѣгнула ко Владыкѣ за совѣтомъ, налагая ему со всею искренностію затруднительное и стѣснительное положеніе обители. Онъ на меня посмотрѣлъ и сказалъ: „ну, что же намѣрена ты дѣлать?“ Я отвѣчала: „не позволите ли обратиться къ другому монастырю, у котораго есть капиталы, и попросить, чтобы онъ заимообразно ссудилъ насъ суммой, нужной на поправку?“ На что Митрополитъ отвѣчалъ: „нѣтъ, въ долги не слѣдуетъ входить, когда не имѣешь въ виду чѣмъ заплатить; вѣдь я тебѣ неоднократно говорилъ, молись усерднѣе и несумѣнно уповай;“ и посмотрѣлъ на меня довольно грозно. Но такъ какъ я письменно подала ему прошеніе, гдѣ изложила необходимую передѣлку церковной, то онъ сказалъ: „иди теперь; бумагу у меня оставь; я разсмотрю, а завтра приходи за отвѣтомъ.“ Я молча поклонилась и вышла, испуганная его взглядомъ. На другой день пришла за отвѣтомъ; онъ съ смягченнымъ видомъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „что, вчера испугалась? Возьми бумагу, и вотъ отъ меня первая помощь для начала необходимой поправки; остальное Богъ пошлетъ.“ И, дѣйствительно, по мѣрѣ производимыхъ работъ являлась понемногу и помощь, какъ умноженіе пяти хлѣбовъ пяти тысячамъ народу.“

№ 39. Мы въ кнѣзѣнствѣ 1869 году прибыли въ Лавру 24-го Юлія вечеромъ, и на другой день послѣ поздней обѣди я поѣхала Намѣстника, который наканунѣ вечеромъ возвратился также изъ Москвы по желѣзной дорогѣ. Онъ мнѣ показался въ лучшемъ здоровьи и чѣмъ то очень ободренъ, но спросить было неудобно, тѣмъ болѣе, что здѣсь находился какой-то престарѣлый протоерей. Разговоръ начался съ недавняго посѣщенія Лавры Императрицею съ Вел. Княжною М. А. и двумя маленькими В. К. (Потомъ я узнала, что Императрица, спросивъ у Намѣстника, довольны ли они всѣмъ, и не нужно ли чего Лаврѣ, на отвѣтъ Намѣстника, что они нуждаются въ топливѣ, а что по сосѣдству есть казенный лѣсъ, испросила у Государя Императора до 1000 десятинъ лѣса въ пользу Лавры; вѣроятно, для сего Намѣстникъ и ѣздилъ въ Москву, дабы благодарить Ея Императорское Величество). Намѣстникъ говорилъ, съ какимъ глубокимъ сердечнымъ чувствомъ Императрица послѣ Троицкаго собора и поклоненія тамъ святымъ поѣхала Филаретовскую церковь и преклонила коѣтны предъ гробницею почившаго Святителя, который былъ такъ душевно преданъ всему Царскому семейству; припоминая при семъ разные случаи жизни Владыки, при которыхъ онъ по этому поводу съ нимъ высказывался. Напримѣръ, онъ говорилъ, что еще въ началѣ своего поступленія въ Лавру, онъ помнилъ, что у Владыки всегда находился портретъ Императора въ самомъ юномъ его возрастѣ, въ красномъ мундирѣ, и что тогда при вопросѣ Намѣстника Владыкѣ, давно ли онъ полюбитъ Великаго Князя, онъ отвѣчалъ: „съ самаго перваго дня его рожденія.“ Потомъ напоминалъ намъ, что онъ принималъ первую исповѣдь В. К. Маріи Александровны; еще рассказывалъ намъ, когда въ послѣдній разъ Императоръ и Императрица были въ скиту и обозрѣли всѣ церкви, Святитель пожелалъ благословить Ихъ иконами и пошелъ за ними въ свою скитскую келью, находящуюся подлѣ церкви, тогда Императрица спросила, можетъ ли Она и Императоръ слѣдовать за нимъ, и казалось, ей любопытно было посмотреть внутренность сей подвижнической кельи Владыки окномъ въ церковь, откуда онъ всегда слушалъ литургію. Между тѣмъ Владыка, взявъ иконы, приготовленныя для благословенія Высокихъ посѣтителей, сказалъ, что желалъ еще разъ благословить Ихъ иконами потому, что, можетъ быть, уже послѣдній разъ имѣть случая это исполнить, съ ними видѣться и лично ихъ благословить. При этихъ словахъ Императрица залилась слезами и долго не могла успокоиться, такъ что Императоръ, не могши тотчасъ ее успокоить, посылалъ за докторомъ Карелемъ, который пришелъ совѣтовалъ нѣсколько обождать выѣздомъ изъ скита, чтобы вечерній болѣе свѣжій воздухъ не повредилъ артрію Ея Императорскаго Величества. Но этотъ отдыхъ не помогъ, Императрица не могла скоро овладѣть налягавшемъ чувствомъ своихъ и встаки выѣхала со слезами изъ скита.

№ 40. Здѣсь вообще разговоръ продолжался о покойномъ Святителѣ. Намѣст-

никъ припоминалъ разныя черты его жизни и подвиговъ, говоря, что они были такъ велики и неослабны, не смотря даже на его болѣзни и преклонныя лѣта, что онъ въ этихъ случаяхъ не всегда уступалъ замѣчаніямъ медицинскимъ, хотя во всѣхъ другихъ безусловно имъ покорялся. Напримѣръ, всегдашняя постель его была простой войлокъ на деревянной доскѣ. „Въ послѣдніе самыя годы его жизни, продолжаетъ Намѣстникъ, приходя во все часы ко Владыкѣ, и замѣчать, какъ ему неловко было лежать, когда онъ худо себя чувствовалъ, и какъ онъ жался и вертѣлся съ боку на бокъ, стараясь найти болѣе удобное положеніе; и такъ какъ онъ со мною всегда совѣтовался какъ съ медикомъ, когда бывалъ не совсѣмъ здоровъ, то я рѣшился ему сказать однажды: „вамъ неловко, Владыко, позвольте мнѣ распорядиться и предложить вамъ самый тоненькій матрасецъ по мѣрѣ этого войлока.“ Владыка согласился; тогда я приказалъ устроить этотъ матрасецъ, привезъ его самъ и устроилъ на войлокѣ. Но на другой день Владыка мнѣ сказала: „возьми обратно принесенный тобою матрасъ: онъ слишкомъ мягокъ,“ тогда я ему отвѣчалъ: „въ ваши преклонныя лѣта вы перешли чрезъ многія немощи, а теперь я опасаясь для васъ одной, которой вы никогда еще не испытывали, и которая для васъ будетъ тяжка, — это пролежни.“ Эта мысль его нѣсколько испугала, и онъ наконецъ рѣшился на нѣкоторое время оставить матрасецъ.“ На счетъ поста Намѣстникъ говорить, что „Владыка не налагала на себя такого, чтобы можно было о немъ сказать, что онъ по цѣлымъ днямъ не кушаетъ; въ назначенныя часы ему подавали пищу, но онъ употреблялъ ея такъ мало, что почти по крохамъ, какъ птичка; и на замѣчаніе мое однажды, что при слабости его и лѣтахъ слѣдовало бы нѣсколько прибавить пропорцію оной, Владыка отвѣчалъ: „не отлучай меня отъ мѣры пищи; вѣдь къ этому нужно было мнѣ пручить себя съ самаго юнаго возраста, чтобы съ нею обходиться во всю жизнь.“ Такъ заключилъ Намѣстникъ, говоря, что его подвиги были такого рода, что хотя онъ и безпрестанно былъ свидѣтелемъ оныхъ и принималъ ихъ на замѣчаніе, но никакъ примѣнить ихъ къ себѣ не могъ.

Мѣ 41. 10 Марта 1874 г.

Вчера посѣтилъ насъ Іеромонахъ Арсеній, призвавшій тому нѣсколько лѣтъ святыню съ Афона: часть Древа Животворящаго Креста, мощи угодника Божія Пантелеямона, мученика Георгія и нѣкоторыя еще частицы св. мощей, вѣщающіяся все въ одномъ ковчегѣ. Это было еще нѣсколько недѣль до кончины блаженной памяти Святителя нашего Филарета Митрополита Московскаго. Мощи, по указанію Святителя, были поставлены въ церкви Богоявленскаго монастыря, гдѣ служили молебны ежедневно послѣ обѣдни, а инокамъ Афонскимъ была отведена келья въ монастырѣ. Іеромонахъ Арсеній, пришедшій разъ на Троицкое подворье, былъ добро принятъ Святителемъ, который занялся съ нимъ

и разспрашивалъ его объ Аеоки. Недѣля черезъ двѣ послѣ того нашъ возлюбленный, незабвенный Святитель отошелъ въ вѣчность. Въ этотъ памятный день, 19-го Ноября 1867 г., и въ послѣдующій погода стояла ненастная, шелъ снѣгъ, и дулъ вѣтеръ. Отцу Асецію однако очень хотѣлось поклониться его честному тѣлу; хотя онъ и чувствовалъ сильную боль въ глазу, однако рѣшился отправиться на слѣдующее утро на Троицкое подворье, когда еще тѣло покойнаго Владыки не было вынесено изъ покоевъ его въ домовую церковь, и посѣтителей было немного, потому что вѣсть о семъ печальномъ событіи для жителей Москвы не успѣла еще повсемѣстно огласиться. Въ то время, когда іеромонахъ Арсеній подходилъ къ тѣлу, у него явилось непреодолимое желаніе отереть больной глазъ своей мантией Святительской; и только что онъ это исполнилъ, боль въ глазу утихла и потомъ совсѣмъ уже не возобновлялась. Вышеупомянутый іеромонахъ Арсеній имѣлъ самъ это разсказывать, прибавивъ съ умплениемъ, что никогда не забудетъ этого разительнаго событія въ его жизни.

№ 42. Разъ на экзаменѣ учитель, что то объясняя, сказалъ: „духъ времени.“ Владыка его остановилъ: „что вы хотите оказать? я только знаю и признаю одного Духа Святаго во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ временахъ.“

№ 43. Одна благочестивая особа, получившая въ благословеніе отъ Святителя Митрополита Московскаго Филарета Евангеліе, просила, чтобы онъ подписалъ его. Владыка начерталъ слѣдующее наръченіе: „Имамы извѣстнѣйшее пророческое и Апостольское слово, ему же внимлюще, добре творите, дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ. Внемли, Господи, душѣ внимлющей слову Твоему.“

№ 44. Одному изъ своихъ викаріевъ, который спрашивалъ его письмомъ какъ поступить ему въ одномъ дѣлѣ, объясняя, что тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, по совѣти можетъ быть оправданъ, а предъ формальнымъ судомъ будетъ осужденъ, онъ отвѣчалъ: „станьте лицомъ къ правдѣ и спиной: къ формальности.“

Другому викарію писалъ: „благодарность къ Богу за полученные отъ него дары есть сосудъ, въ который благодать Божія влигаетъ новые дары.“

никъ припоминая разныя черты его жизни и подвиговъ, говоря, что они были такъ велики и неослабны, не смотря даже на его болѣзни и преклонныя лѣта, что онъ въ этихъ случаяхъ не всегда уступалъ замѣчаніямъ медицинскимъ, хотя во всѣхъ другихъ безусловно имъ цокорялся. Напримѣръ, всегдашняя постель его была простой войлокъ на деревянной доскѣ. „Въ послѣдніе самыя годы его жизни, продолжаетъ Намѣстникъ, приходя во всѣ часы ко Владыкѣ, и замѣчалъ, какъ ему неловко было лежать, когда онъ худо себя чувствовалъ, и какъ онъ жался и вертѣлся съ боку на бокъ, стараясь найти болѣе удобное положеніе; и такъ какъ онъ со мною всегда совѣтовался какъ съ медикомъ, когда бывалъ не совсѣмъ здоровъ, то я рѣшился ему сказать однажды: „вамъ неловко, Владыко, позвольте мнѣ распорядиться и предложить вамъ самый тоненькій матрасецъ по мѣркѣ этого войлока.“ Владыка согласился; тогда я приказалъ устроить этотъ матрасецъ, принесть его самъ и устроилъ на войлокѣ. Но на другой день Владыка мнѣ сказалъ: „возьми обратно принесенный тобою матрасъ: онъ слишкомъ мягокъ;“ тогда я ему отвѣчалъ: „въ ваши преклонныя лѣта вы перешли чрезъ многія немощи, а теперь я опасаясь для васъ одной, которой вы никогда еще не испытывали, и которая для васъ будетъ тяжка,— это пролежни.“ Эта мысль его нѣсколько испугала, и онъ наконецъ рѣшился на нѣкоторое время оставить матрасецъ.“ На счетъ поста Намѣстникъ говорилъ, что „Владыка не налагалъ на себя такого, чтобы можно было о немъ сказать, что онъ по цѣлымъ днямъ не кушаетъ; въ назначенныя часы ему подавали пищу, но онъ употреблялъ ея такъ мало, что почти по крохамъ, какъ птичка; и на замѣчаніе мое однажды, что при слабости его и лѣтахъ слѣдовало бы нѣсколько прибавить пропорцію оной, Владыка отвѣчалъ: „не отлучая меня отъ мѣры пищи: вѣдь къ этому нужно было мнѣ приучить себя съ самаго юнаго возраста, чтобы съ нею обходиться во всю жизнь.“ Такъ заключилъ Намѣстникъ, говоря, что его подвиги были такого рода, что хотя онъ и безпрестанно былъ свидѣтелемъ, оныхъ и принималъ ихъ на замѣчаніе, но никакъ примѣнить ихъ къ себѣ не могъ.

№ 41. 10 Марта 1874 г.

Вчера посетилъ насъ Іеромонахъ Арсеній, привозившій тому нѣсколько лѣтъ святыню съ Акона: часть Древа Животворящаго Креста, мощи угодника Божія Пантелеймона, мученика Георгія и нѣкоторыя еще частицы св. мощей, вмѣщающіяся всѣ въ одномъ ковчегѣ. Это было еще нѣсколько недѣль до кончины блаженной памяти Святителя нашего Филарета Митрополита Московскаго. Мощи, по указанію Святителя, были поставлены въ церкви Вогоявленскаго монастыря, гдѣ служили молебны ежедневно послѣ обѣдни, а икозамъ Аeonскимъ была отведена келья въ монастырѣ. Іеромонахъ Арсеній, пришедшій разъ на Троицкое подворье, былъ добро принятъ Святителемъ, который занялся съ нимъ

и разспрашивалъ его объ Асении. Надѣли черезъ двѣ послѣ того нашъ волюбленный, незабвенный Святитель отошелъ въ вѣчность. Въ этотъ памятный день, 19-го Ноября 1867 г., и въ послѣдующій погода стояла ненастная, шелъ снѣгъ, и дулъ вѣтеръ. Отцу Асению однако очень хотѣлось поклониться его честному тѣлу; хотя онъ и чувствовалъ сильную боль въ глазу, однако рѣшился отправиться на слѣдующее утро на Троицкое подворье, когда еще тѣло покойнаго Владыки не было вынесено изъ покоевъ его въ домовую церковь, и посѣтелей было немного, потому что вѣсть о семъ печальномъ событіи для жителей Москвы не успѣла еще повсемѣстно огласиться. Въ то время, когда Іеромонахъ Арсеній подходилъ къ тѣлу, у него явилось непреодолимое желаніе отереть больной глазъ оной мантией Святительской; и только что онъ это исполнилъ, боль въ глазу утихла и потомъ совсѣмъ уже не возобновлялась. Вышеупомянутый Іеромонахъ Арсеній мнѣ самъ это разсказывалъ, прибавивъ съ умиленіемъ, что никогда не забудетъ этого разительнаго событія въ его жизни.

№ 42. Разъ на экзаменѣ учитель, что то объясняя, сказалъ: „духъ времени.“ Владыка его остановилъ: „что вы хотите сказать? я только знаю и признаю одного Духа Святаго всѣхъ вѣковъ и всѣхъ временъ.“

№ 43. Одна благочестивая особа, получившая въ благословеніе отъ Святителя Митрополита Московскаго Филарета Евангеліе, просила, чтобы онъ написалъ его. Владыка начерталъ слѣдующее изрѣченіе: „Иначы извѣстѣвшее пророческое и Апостольское слово, ему же внимаше, добре творите, дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ. Внемли, Господи, душѣ внимающей слову Твоему.“

№ 44. Одному изъ своихъ викаріевъ, который спрашивалъ его письмомъ какъ поступить ему въ одномъ дѣлѣ, объясняя, что тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, по совѣсти можетъ быть оправданъ, а предъ формальнымъ судомъ будетъ осужденъ, онъ отвѣчалъ: „станьте лицомъ къ правдѣ и спиною къ формальности.“

Другому викарію писалъ: „благодарность къ Богу за полученные отъ него дары есть сосудъ, въ который благодѣ Божія влагаетъ новые дары.“

Изъ воспоминаній игумены Е. о моск. митрополитѣ Филаретѣ.

Со всѣмъ желаніемъ передать возможно подробнѣе всѣ слова Святителя Митрополита Филарета, не могу исполнить сего исполнить, ибо они всѣ связаны съ текущими обстоятельствами Обители и, разобщенныя отъ нихъ не будутъ